

«Меня проносят на слоновых...» Велимир Хлебников

ПО

ЖУРНАЛ

№ 7 (51)

2013

ЭТОВ

Композиция Константина Кедрова.

Слонолёт

ДООС — добровольное общество охраны стрекоз

В 1758 году в Париже архитектор Шарль-Франсуа Рибар создал проект дома-слона. В XIX веке на площади Бастилии был построен макет слона-фонтана, в котором жил Гаврош из романа В.Гюго «Отверженные» вместе с полчищем крыс. Макет быстро обветшал и его снесли.

А у нас в Подмоскowie есть дом-слон в селе Островцы. В 2009 году его спроектировал архитектор Александр Рубан, и теперь этого трехэтажного слона можно увидеть, проезжая по Новорязанскому шоссе.

Три слона русской басни

Иван Хемницер

Лев, учредивший совет

Лев учредил совет какой-то, неизвестно,
И, посадив в совет сочленами слонов,
Большую часть прибавил к ним ослов.
Хотя слонам сидеть с ослами и невместно,
Но лев не мог того числа слонов набрать,
Какому прямо надлежало
В совете этом заседать.
Ну, что ж? пускай числа всего бы не достало,
Ведь это б не мешало
Дела производить.

Нет, как же? а устав ужли переступить?
Хоть будь глупцы судьи, лишь счетом бы
их стало.

А сверх того, как лев совет сей учреждал,
Он вот как полагал
И льстился:
Ужли и впрям, что ум слонов
На ум не наведет ослов?

Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком
потекли:
Ослы, слонов с ума свели.

Иван Дмитриев

Слон и обезьяна

Кто бы подумать мог? – Прелеста – обезьяна, –
Едва увидев свет, смеялась над слоном;
Гордясь проворством легка стана
И маленьким своим лицом,
Кривлялась перед ним, род величая свой.
«Куда годишься ты? – слону так говорила, –
Тебе судьба определила
Нескладной быть горой».
А слон
Между животных есть Катон;
Насмешницу сию тотчас молчать заставил,
Он так ее исправил:

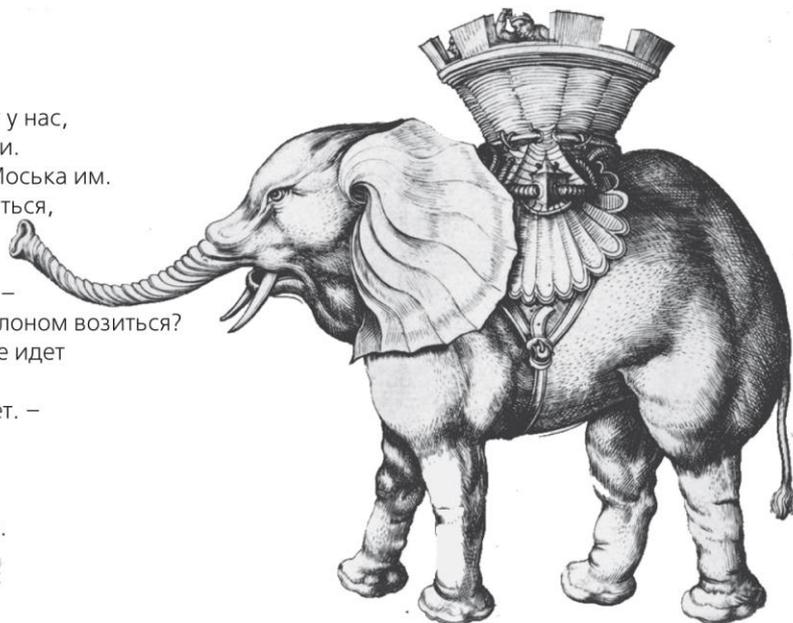
«Чем дар иметь других дразнить,
Кривляния тому виною,
Что обезьяний род презрен везде собою.
Шутов, насмешников и братью их
Все вашу родню величают,
Все обезьянами их называют.
Пошла же с глаз моих
С своими фиглями, скачками,
Не смейся ты над нами;
Ин хоботом своим так подхвачу тебя,
Что молнии скорей слетишь вверх у меня!
На сей раз молодость твою лишь извиняю,
И правило тебе мое я оставляю:
Насмешки, едкость слов –
Забава дураков».

Иван Крылов

Слон и Моська

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ.
Известно, что Слоны в диковинку у нас,
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну так и лезет в драку с ним.
– Соседка, перестань срамиться, –
Ей Шавка говорит, – тебе ли со Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает. –
– Эх, эх! – ей Моська отвечает, –
Вот то-то мне и духу придаст,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забяки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

Мартин Шонгаллер, «Слон».

Слонов в полёте сопровождали

2-3-4-5

Константин Кедров, Маргарита Аль

6

Иоганн Вольфганг Гёте, И.П. Эккерман

7

*Генрих Гейне, Иннокентий Анненский,
Михаил Евзлин*

8-9

Елена Кацюба, Евгений Степанов

10

*Андрей Вradий, А.П.Чехов, Герман Гецевич,
Сергей Ив*

11

*Сергей Бирюков, Ольга Адрова,
Анатолий Кудрявицкий*

12

*Сергей Синоптик, Игорь Балюк,
Дарьяна Лемтюжникова*

13

Елена Атланова

14

Николай Ерёмин

15

*Дмитрий Цесельчук, Кристина
Зейтунян-Белоус, Василина Орлова,
Александр Карпенко*

16-17

*Владимир Коркин, Дмитрий Степанов,
Андрей Канавицков*

18

Анатолий Устьянцев

19

Галина Якубовская, Наталья Малинина

20-21

*Олег Горшков, Наталья Каминская,
Наталья Никулина,
Дарьяна Лемтюжникова*

22-23-24-25

*Лариса Желенис, Елена Кацюба,
Евгений Коновалов, Сергей Борисов*

26

Ирина Манина, Татьяна Зоммер

27

*Константин Матросов,
Дарьяна Лемтюжникова*

28

Сергей Уткин, Олег Власов

29

Валерий Мутич

30-31

*Надежда Кудричева, Михаил Бузник,
Дмитрий Белолыпецкий, Сергей Борисов*

32-33

*Владимир Миодушевский, Наталья Таберт,
Владимир Герасимов, Элла Меркулова*

34

*Евгений Яночкин,
Кристина Зейтунян-Белоус,
Надежда Никитина, Евгений Мартынов*

35

Ян Бруштейн, Александр Федулов

36

Валерия Нарбикова, Олег Федоров

37-38-39-40-41-42-43

Валерий Байдин, М. фон Мюнхгаузен

44-45-46

Кира Сапгир, Слон Леонардо

47

Галина Мальцева, Евгений Таран

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Родина мамонтов

Россия родина слонов! Отнюдь. Поднимайте выше. Россия родина мамонтов. И хотя наука призывает игнорировать сходство между слонами и мамонтами, оно, как говорится, бросается в глаза. Итак, Россия мама мамонтов. Их безуспешно пытаются воскресить, внедрив в яйцеклетку слонихи ядро клетки мамонта не окончательно от замороженного или наоборот от замороженного в вечной мерзлоте. Активные работы ведутся в Японии. Что же касается Якутии, то там не только залежи замороженных мамонтов, но и генетическая прародина русских, украинцев и многих европейских народов. Именно оттуда пришли в свое время в Европу наши финно-угорские предки с финно-угорским геномом. Генетическая расшифровка генома типичного россиянина опровергла миф о татаро-монгольском иге. На 99,99% мы все финно-угры.

Итак, наши предки, несомненно, были с мамонтами на ты. Об этом свидетельствуют и первобытные пещеры с изображениями мамонта, и космогонические мифы о земле, которая покоится на слоне, или даже трех, или четырех слонах, стоящих на черепахе. И слоны, и черепаха, живущие долго, – символы долголетия, проще говоря, вечности. Черепаха символизирует время, а слоны – четыре стороны пространства: север, юг, запад, восток. Один слон – символ всего пространства.

Нет, о друзья!

Величаво идемте к Войне Великанше,

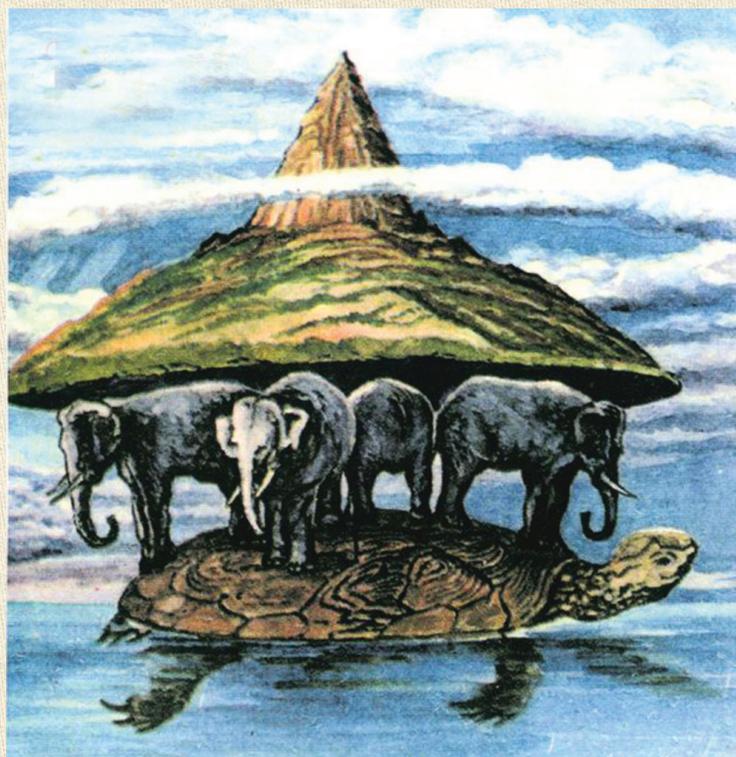
Что волосы чешет свои от трупья.

Воскликнемте смело, смело, как раньше:

«Мамонт наглый, жди копыя!»

В.Хлебников

Однако ни мамонтов, ни слонов копыями не истребишь. Количество людей было ограничено, и рыть огромные ямы-ловушки, чтобы в них точно угодила мамонт, они не могли, хотя разгоряченная фантазия художника В.Васнецова переключалась и в музей, и в

школьные учебники. Известнейшее панно «Охота на мамонтов» скорее гениальное изображение, как толпа невежд забивает камнями гения. Все знают, слоны умны. Они по-своему милосердны. Выхаживают своих больных и всем стадом поддерживают детенышей.

Популярнейшая басня Эзопа-Лафонтена-Крылова «Слон и моська» давно стала русским архетипом. Это микро- и макромир. В древнеиндийских притчах слон больше всего боится мыши, ибо перед ней он бессилён. Она же, взбежав по хоботу, может перегрызть его барабанные перепонки и проникнуть в мозг. Боевые слоны индусов были с помощью хитрости обращены в бегство Александром Македонским. Слоны Ганнибала чуть не обрушили Римскую империю. В наше время миссия человека – воскресить мамонтов и спасти от вымирания слонов. Это затруднительно в голодных зонах Африки, где несмотря на все запреты на слонов охотятся. Мясо едят, а кожа и бивни идут на потребу туристам. Слон на сегодня остается самым крупным животным символом биологической мощи и животного разума. Рисуют многие животные, но слоны открыли сезон. Их хобот элегантно управляется с кистью. Картины слонов пользуются спросом и популярностью у коллекционеров.

Эти древние животные пришли к нам из эпохи, когда на земле правили бал ныне вымершие гиганты ихтиозавры и динозавры, чьи скелеты мы

обнаруживаем во многих точках планеты. Живые слоны слились в нашем сознании с вымершими из-за оледенения мамонтами, а вымершие мамонты – с вымирающими, но еще живыми слонами.

Скажем так: мамонты поэзии – Гомер, Низами, Навои, Фирдоуси, Омар Хайям, Данте и другие поэты древности. Слоны – еще не вымершие поэты.

Слонолёт

О слон с Востока летящий
на самых слоеных крыльях
в пространстве сна расслоенный
лишь к вечности прислоненный
Как старый комод летящий
ты весь из витражных стекол
мерцающих леденцами
из музыки и шарманки

шарниры шины насосы
стеклянные псы и бусы
короны из шоколада
серебряный меч из липы
картонный щит
и конечно
газетный шлем на макушке

Никто никому не нужен
Все более чем железны
спокойны неуязвимы
железно железнодорожны

Но слон с Востока летящий
наполнен пляской щемящей
нарушивший злое время
вернувший громаду детства
он снова тебе напомнит
что ты все равно ребенок
и крайне далек от смерти
которая где-то рядом.

90-е, XX век

Фотокомпозиция **Елены Кацюбы.**

Тесно

Всем известно –
Самолетам в небе тесно

Повсеместно
Всем на свете тесно

Тесно кашалотам в океане
Тесно всем Титаникам в тумане

В измереньях нами не открытых
Мечутся частицы на орбитах

Тесно им – они собою полны
Потому они частицы-волны

Всем известно
Миру в мире тесно

Всем известно
Человеку тесно

Все плывем в воздушном океане
Тесно всем как ежикам в тумане
Почему вокруг так много звёзд
Кажется ответ на это прост
Если где рванет иль звезданет
Нам звезда игриво подмигнет

Солнцесердце

Если солнца нет то отогреться
Можно на груди среди бессонницы
Если солнца нет то светит сердце
И пульсирует за горизонтом солнце

Навсегда исчезнет этот социум
Но останется в моем оконце
Сердцесолнце или Солнцесердце
Солнцесердце или Сердцесолнце

Мне все чаще видится другое
За пределом смысла бытия
Что то ослепительно нагое
И возможно это ты и я

Индия все еще
заслонена
слонами

Кроме слонов
обвивающих
хоботом
хобот

Стихи никому
не нужны
кроме зайцев
скачущих
друг в друге

Кроме мамонтов
вымирающих
в самолетах

Слон и Мойша

(басня)

По улицам слона водили
А Мойшу в подворотне били
Смысл басни сей отнюдь не нов:
Россия – родина слонов

О чем напоминает Первый век?
О том что Бог – Он тоже Человек

Нет я не реалист – я фантазёр
В неведомое устремлен мой взор
Я мета но не метареал-ist
Ich bin METAMETAFORist

Веер Я

Наш мир нечетко обозначен
В нем есть пунктиры и пробелы
Я кое-что переиначил
Перераспределил пределы

Не беспредел но беспредельно
Мир распахнулся словно веер
Там каждая звезда отдельно
А здесь весь космос не отделен

Поигрывая сам собою
как веером в руке дрожащей
Над бездной мира над собою
Я подлинный я настоящий

Первый концерт Рахманинова

Ах Рахманинов –
Музыка звука
В каждой ноте рыданье
Каждая нота я

Нет никогда я не буду
Нет никогда
Я я
Никогда
Я я я
Никогда
Да да да да
Никогда

Все мои корабли
Давно отчалили
В даль Отчаяния

И только я –
Отчаянный капитан
над чайками
отчаянно чаю

Искусство жить – старинное искусство
Но им владеет только тот кто прожил
Оно похоже на искусство Пруста
Пруст вечно жил и вечно вечность множил

Все мимолетно
но и бесконечно
Но умер Пруст –
живет он
только вечно

Чудоскворец

Я уверен что Бог – самтворец
Самтворчество – вечное чудо
Самтворец – всегда Чудотворец
Чудотворчество творчества всюду

Вот по травке шагает Скворец –
Чудотворец и чуда творец
Я поэт Хайдегер-Кьеркегорец
Или просто Скворец-Чудоскворец

Мargarita Аль
ДООС – стрекозАль

Световая инсталляция
«Созвездие слона»

Иоганн Вольфганг Гёте

Шарада

Сцена из «Фауста»

Эй, расступись! Не вашего разряда
 Явилась в маске новая шарада.
 Увешанная тканями гора
 К нам движется, ввалившись со двора,
 С клыками, с хоботом, под балдахинном,
 Загадка, но с ключом к живым картинам.
 На шее сидя у слона верхом,
 Им правит сверху женщина жезлом.
 Другая, стоя на его хребте,
 Спокойно, властно блещет в высоте.
 Две пленницы шагают по бокам,
 Цепями скованные по рукам.
 Одна, томясь, на волю рвется вон,
 Другая ничего не замечает
 И вольною в душе себя считает.
 Пусть не таят от нас своих имен
 И скажут, что они изображают.

(отгадка – Разумность)

Из записок И.П. Эккермана:

...мы заговорили о маскарде и возможности перенести его на сцену.

– Это, пожалуй, потруднее, чем изобразить неаполитанский рынок, – заметил я.

– Тут нужна огромная сцена, – сказал Гете, – а иначе я уж и не знаю, как быть.

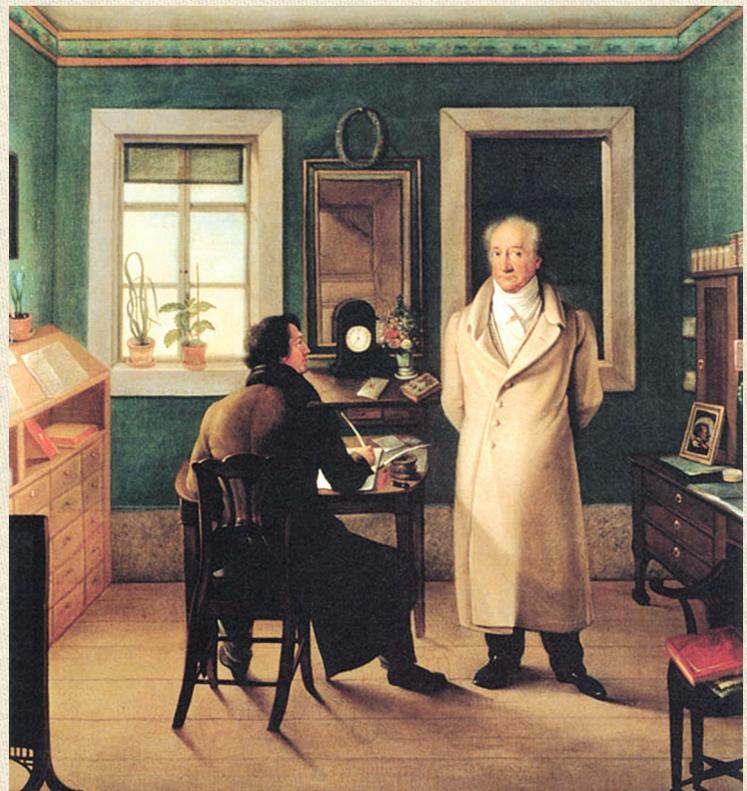
– Я надеюсь все это увидеть своими глазами, – сказал я, – и заранее радуюсь слону, которого ведет мудрость, Победа восседает на нем, а по бокам его бредут, закованные в цепи, Боязнь и Надежда. Лучшей аллегории, думается мне, нет на свете.

– Это не первый слон на театре, – сказал Гете, – в Париже такой гигант доподлинно играет роль. Он принадлежит к Народной партии и, сняв корону с одного короля, возлагает ее на другого, – выглядит эта сцена, вероятно, грандиозно, – а после конца спектакля отвешивает поклон публике и удаляется. Из этого следует, что и мы могли бы вывести на сцену слона. Но в целом маскарда слишком многолик, и для него надобен режиссер, какого мы вряд ли сыщем.

1829 г.

Самый знаменитый экспонат Музея естественной истории в городе Кассель в Германии – «слон Гёте», один из первых в мире препарированных скелетов крупных млекопитающих. Животное, привезенное из Индии в Кассель в XVIII веке, вырвалось на волю и погибло при падении с холма в парке Карлсауэ. Череп погибшего слона выпросил для исследования поэт и естествоиспытатель Иоганн Гёте. Теперь скелет красуется в музее вместе со скелетами древних животных.

Иоганн Йозеф Шмеллер
 «Гете диктует писцу Джону». 1831 г.

Генрих Гейне

Фрагменты из поэмы «Белый слон»

Махавасант, сямский раджа,
Владычит, пол-Индии в страхе держа.
Великий Могол и двенадцать царей
Шлют дани Сиаму свои поскорей.

...

Махавасантов любимый макак –
Весь в шелковых лентах, разряжен, – да как!
На шейной ленточке – ключик сусальный
От Высочайшей Опочивальни.

Рубины рассыпаны там, как горох.
Лежит и топаз, он собою не плох,
Алмазы – размером с хорошую грушу.
Так тешит раджа свою вольную душу.

...

Но самое дивное из сокровищ,
Едва ль не важнее богов-чудовищ,
Дружок закадычный, в кого он влюблен, –
Это – прекрасный белый слон.

Раджа построил чудесный дворец,
Чтоб жил в нем этот дивный жилец,
И держат свод золотой, высочайший
Колонны с лotosовой чашей.

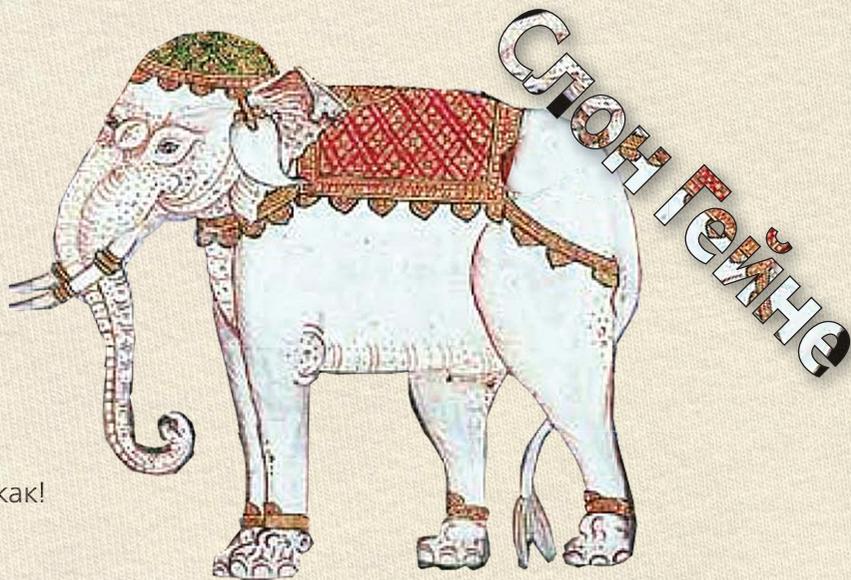
...

Слону дана золотая посуда,
И нюхает он пахучие блюда.
И вина, с добавкой индийских приправ,
Он тянет, свой царственный хобот задрвав.

Он амброй и розовую водицей
Ухожен, цветами увенчан сторицей.
Под ноги слоновьи кашмирскую шаль
Владыке щедрейшему бросить не жаль...

Сергей Бирюков и испанская
поэтесса Милагроса Ромеро
Сампер у памятника Гейне на
Университетской площади в
городе Галле (Германия.).

Фото **Михаила Евзлина**

«...Между тем душа поэта уходит досыпать
свой сон в Сиаме. Здесь тоже ждет ее
забота и даже тревога. У сямского владыки
затосковал его любимый белый слон. Ученый
астролог предлагает средство, но довольно
странное. Слону надо дать кредитив на
Ротшильда в rue Lafitte и отправить его с
первым же мальпостом в Париж, так как там
живет теперь монументальная и белокурая
красавица, и они со слоном давно уже
тоскуют друг о друге (как Сосна и Пальма
из «Buch der Lieder»). И вот Махавасант..
принимается раскидывать умом и туда,
и сюда, но, так как царям вообще тяжело
думать, то, ни до чего не додумавшись,
повелитель засыпает, а возле, прикорнув,
ложится и его любимая обезьяна...»
Иннокентий Анненский «Гейне прикованный»

Елена Кацюба

ДООС – libellula

Фрагмент из суперпоэмы «Свалка»

По заказу окружающей среды
и других дней недели
экологический триллер

СЛОН

белый СЛОН

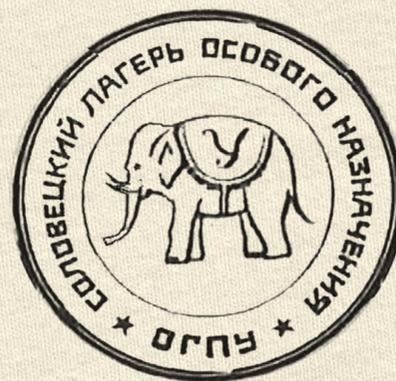
СТОН издал –
в грязный СТОК упал
в нем, как УТОК сновал
но жизни УРОК кончен
счастья УРЮК съеден
готовит КРЮК
с криком КАЮК
смерть – злой КАЮР
следующий КАДР –
черный КАФР
сидит в КАФЕ
перед ним КАРЕ карт
выпала КАРА
жизнь – КОРА гнилая
лопнула КОЖА слона
раскрылась ЛОЖА нутра
и там где ЛУЖА
дрожит как ЛУЗА

МУЗА свалки –
МУХА

Превращение слона

Когда в 1985 году, создавая суперпоэму «Свалка», я «в полном неразумии» (по выражению В.Хлебникова) превращала слона в муху, я еще не знала, что советский концентрационный лагерь на Соловках назывался С.Л.О.Н. и изображался в виде белого слона и что потом он был переименован в С.Т.О.Н.

Поэтому мой изначально старый СЛОН стал белым. И возникла мысль расшифровать аббревиатуры дальнейшего пути героя до его превращения в муху.

СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

СТОН – Соловецкая тюрьма особого назначения.

СТОК – Соловецкая тюрьма особого контроля.

УТОК – Уголовная тюрьма особого контроля. Буква У на спине слона и означала – уголовный. Ведь у нас ведь как бы не было политических заключенных. А таким узникам, как Флоренский и Лихачев, конечно, нужен был особый контроль.

УРОК – Уголовный режим особого контроля.

УРЮК – Убойный режим юридического контроля.

КРЮК – Криминальный режим юридического контроля.

КАЮК – Криминальный ад... министратор юридического контроля.

КАЮР – Криминальный аппарат юридических разработок.

КАДР – Концентрационный актив двойного расследования...

КАФР – Конечный акт фатальных решений.

Ну и т.д., с буквой К – все понятно.

А затем – «раскрылась ЛОЖА нутра» – Лагерь особо жестокой администрации.

ЛУЖА – Лагерь уголовно жадной администрации.

ЛУЗА – Лагерь убойно забойной администрации.

А вот МУЗА – кто она, тюремно-лагерная вдохновительница? Мощное урвище заумных академиков?

Ну и МУХА – Местный уголовный хозяйственный актив?

А, может, Мрачное узилище художников авангарда?

Вообще-то, белый слон в индийской символике – символ освобождения людей от оков земного бытия, а в Китае – символ победы над смертью.

Вот придет бог с головой крокодила
мутную воду Нила
по улицам проведет
Слоем сытного ила же
фасады домов вымажет
хоть намазывай бутерброд

Боги с нечеловечьими головами
выберут себя в сенат совет комитет
Ил затянет глаза. И
в оконной раме
тебе привидится не свой портрет –
глинное месиво без души –
даже не вылепишь
для воды кувшин

Бойся уснуть в липкой тиши
криком криком криком
ударь в небосклон
небо склонится
и выйдет из верхних глубин
Самый Великий Слон

Вмиг обрушатся пирамиды
от грома грозových ног*
упадет и рассыплется
пустым глиняным идолом
крокодилоголовый бог.

*Слон – животное индуистского бога грозы и дождя Индры.

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

Специально
для ПО

49 лет

жизнь бабочка суматра
короткая стезя
и ничего на завтра
откладывать нельзя

а я актер театра
где пешка бьет ферзя
и ничего на завтра
откладывать нельзя

и ничего на завтра
откладывать нельзя
а может быть и можно
но все-таки нельзя

5.06.2013.
Замоскворечье

МОСКВА

хана война марихуана
мы все висим на волоске
и бродят орды чингисхана
по гуттаперчевой москве

кто проиграл – вот в чем вопрос
кто даст ответ – тот будет умница
надев одежду hugo boss
гуляет третий рейх по улицам

соцсети радуются: ок
вождь улыбается как рафферти
сухой побитый старичок
стоит и молится на паперти

27.06.2013
Павелецкая

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле, Германия

Слон во сне, или Сон в слоне

Слон входит в сон
Что видит он?
Что там во сне
Такой же слон
Уже вошедший в сон
Но этот слон
Что видит он?
Что до него вошедший в сон
Уже гуляет слон.
И понял первый слон
Что он всего лишь сон
Того кто всех слонов считает
Пока не засыпает.
И потому слоны
Во снах гуляют
Вольно
И вполне довольно.

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин, Ирландия

Слоновости топчутся припорожно. Откроется проход – подгромыхнут, подхватят, поднесут к глазам посмотреть. Когда человеку слоново, абсурд веселится по писанному, а головная логика утекает через хобот. Слоняйся теперь нулем, всадником седалищ, сквозняком по коридорам. А когда часы улыбнутся,

Ольга Адрова

ДООС – рок-стрекоза

В полнеба

*
И снег не шел,
И дождь не шел,
И град
Еще ни разу не был.
Вдруг, словно облако,
Вошел,
Остановился слон
В полнеба...

Из синих дней,
Из синих волн,
Как сон,
Что вырвался из склепа...
И, словно океан на мол,
Облокотился слон
В полнеба

*
Идут слоны,
Идут слоны
Невероятной
тишины...

Идут слоны
По небу,
Идут слоны
В полнеба,

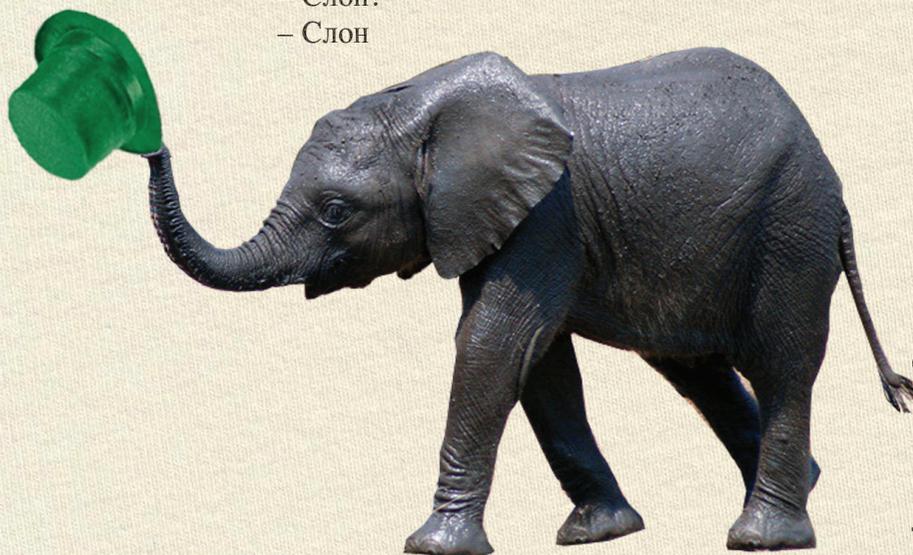
Идут слоны
по снегу.
И все уходят
в негу.

СЛОНОВОСТИ

стрелками, приглашай слона на молочай
Кстати, не забудь первый закон Айвори и Эбони: когда слон в комнате, о нем не говорят, его обтекают воздушным потоком, стараясь не впечататься в столбы его подпорок.

И последнее: «слон» по-ирландски означает «до свидания», и ирландцы прощаются так:

- Слон?
- Слон

Сергей Синоптик

Симферополь – Севастополь, Украина

РОБОТОМИЯ

робот приходит в поликлинику для роботов
и скрипя динамиками жалуется врачу:
«мне, – говорит, – постоянно снятся слоны. иногда без хобота,
но чаще – обычные слоны. я на них вскарабкиваюсь и лечу.

мы пролетаем пару-тройку слепых нежилых кварталов,
а потом у слонов заканчивается бензин.
они плачут; я пою им славянку и джетро талла;
потом они успокаиваются и уходят. я остаюсь один.

и тогда я иду по городу, заржавленному, как питер,
изредка вглядываясь в подъездную густую тьму.
на каждом доме есть надписи, но я не разбираю литер,
как будто бы по-грузински, а может, и по-монгольски,
я не пойму».

роботу трудно дышать, к глазам подступают слёзы,
он начинает, звеня, нервно покачивать головой.
робот-врач его слушает, ни на миг не меняя позы
(насторожившись в конце вратарем, ожидающим угловой)

робот просит больничных роботов: «сделайте роботомию,
помогите же мне наконец-то спокойно спать!»
робот-врач отвечает роботу: «вот направление на диопсию,
иди в кабинет десять тысяч сто тридцать пять»

Игорь Балюк

Элефант

элефант не мнёт собой траву
не кусает аметистовые листья
он ласкает хоботом сову
оводом лакает её мысли

элефант смущается а ведь
мысли эти об ночных полётах
наполняющих обыденную смерть
зайцами полуденной икоты

элефант конечен для мыша
для лягушек не сравниться с их
болотом
на котором пашен анаша
поле поглощала с полиглотом

элефант придуман не для блюд
элефант громадина иная
он в бою вернее чем верблюду
аномальный пасынок Синая

элефанту многое дано
что похоже и даётся не бесплатно
может кто из ложи падает на дно
элефант поможет выбраться обратно

элефант пугает пьяных львов
дело скажем прямо не в отваге
Сталину в 20-ом город Львов
не казался флягой красной браги

элефант стремится не к нулю
первый он но он не единица
в океане чисел он подобен кораблю
в луже с кораблём он не сравнится

элефант страдает от людей
ими он бывает убиваем
ради омерзительных
идей
ведь они других
не ведают не знают

**Дарьяна
Лемтюжникова**
«Боевой слон»
(смешанная техника).

Елена Атанова

Ташкент, Узбекистан

Сегодня получила ваш великолепный журнал. Принесли прямо в офис на мое рабочее место.

Мой поклон всем легендарным создателям журнала! Есть чем похвалиться теперь. Надеюсь, и дед мой рад где-нибудь, пусть и в других вселенных.*

Я исполнительный директор софтверной компании, которая работает в Узбекистане 13 лет. Мы разрабатываем программное обеспечение для разных контор. Примерно 70 человек у нас трудится. Для Москвы это капля в море, но для Ташкента – это большая компания с серьезными проектами. К сожалению, утечка мозгов в последние годы очень нас ослабляет – все уезжают или в Америку, или к вам в Москву, в Москву...

Слон – тотем нашей компании. Мы сами нарисовали, а потом и склеили большого картонного слона, который вот уж десяток лет и представляет нашу компанию на всяких выставках. На вопросы, почему именно этот образ стал символом для коллектива, который разрабатывает ПО (программное обеспечение), я всегда отвечаю так: в слоне нас привлекает развитый интеллект и вполне разумная толстокожесть.

Однако на самом-то деле к слонам у меня совершенно особое отношение, и вот почему.

Как-то, очень давно мне приснилось, что в какой-то из прошлых жизней была я слоном. Не простым, а боевым. Представьте: идет бой, на моей спине сидит хозяин – предводитель несметного войска. А я все чувствую, но не как человек, нет, все ощущения – абсолютно слоновьи! Глаза следят за накалом битвы, а распаленной кожей я предвосхищаю любое движение наездника. Сознание фиксирует, как мощные ступни погружаются в мягкую, горячую и почти пушистую пыль. В какой-то момент вдруг понимаю, что господин повержен, и кровь его стекает по моей передней ноге... Единственное и близкое существо – умирает. И вот, в самой сердцевине сражения душу заполняет такая вселенская печаль, что вся моя слоновья сущность поднимается, как эта взбитая пыль, прямо в белесое и мутное небо. Помню до сих пор совершенно ясно, как встав на задние ноги, я подняла хобот и затрубила так громко и так протяжно, что бой временно приостановился. Враги, соратники, слоны, кони – все как вкопанные замерли, кто где был... остановилось даже время.

Теперь, когда вижу слонов, кожей чувствую тот стран-

ный миг... и думаю о том, что все мы немножко не только лошади, но и слоны.

Приношу вам свою благодарность – так неожиданно вышла новая картинка для нашей компании – применим ее в какой-нибудь открытке. У нас тема слоновости всегда присутствует. К одной выставке мы делали картинки с огромными механическими слонами, которые удивили всех.

Слон

Насыпь
на сыпь песка
семнадцать унций смеха
штрихи прошедших зим
скорей стряхни с лица
и хобот радужный
погруженный
в синь моря
протянет
мостик
от меня
к тебе

Я и правда люблю слонов, и когда вижу по телеку, как их обижают или дрессируют, – у меня болит сердце. В нашем Ташкентском зоопарке было два слона. Надеюсь что они в порядке. Пожалуй, пойду их проведаю!

*Стихотворение Елены Атановой «Имперский шофер» в Журнале ПОэтов № 4, 2013 г.

Николай Ерёмин

ДООС – никозавр

Красноярск

Недавно,
У авиакасс,
Сказал мне Пегас, возмущён:

– Я,
С крыльями конь, –
Не для вас!
Вам нужен летающий слон!

Вы – старый толстяк,
Стыд и срам,
В вас более ста килограмм! –

Я с ним согласился.
И вот
Нас в Индию мчит самолёт...

И там я –
Вот это страна! –
Пегаса сменял на слона...

Мой друг Слонолёт
Очень прост:
И хобот, и тело, и хвост –

Пегас и Слонолёт

Космической величины,
И крылья ему
Не нужны!

Да, он –
Не простой Слонолёт,
Мы телом друг другу под стать.

А я,
Не простой стихоплёт,
Лечу – на душе благодать,

Кричу:
– Хинди, руси, пхай, пхай!* –

А ты, мой Пегас, отдыхай!

**Хинди руси бхай бхай (хинди) – «индийцы и русские – братья» – лозунг советско-индийской дружбы в 1950 – 1980-е годы, официально пропагандировался обеими сторонами. Впервые провозглашён Н. С. Хрущёвым во время визита Индию вместе с Н.А.Булганиным на митинге в Бангалоре 26 ноября 1955 года. В СССР нередко в народе произносилось как «пхай пхай».*

Слева направо: Джавахарлал Неру, Н.С.Хрущев, Индира Ганди, Н.А.Булганин

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС

Париж, Франция

В лоне слона слюнявая осень не дремлет
В Африке тоже вечное лето внезапно кончается
каждую тысячу лет
Львы линяют
становятся белыми и пушистыми
После первого снега
страусы головы прячут в сугробах
У слонов вырастают огромные серые крылья
и слоны улетают в Москву (где их вовсе не ждут).

Дмитрий Цесельчук

Слон и орех

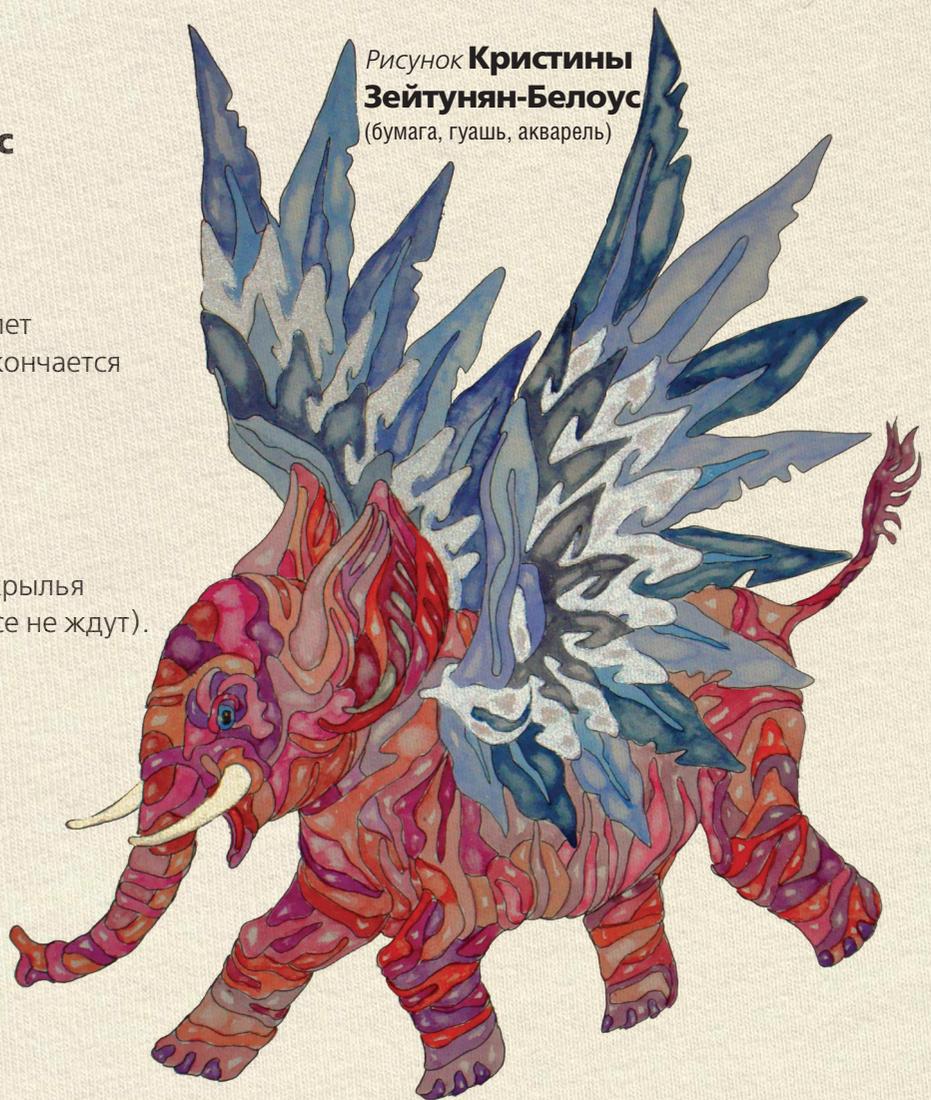
Рос на яблоне орех,
Но упал, и как на грех
Мимо проходил прохожий
В дорогой слоновьей коже.
Тут слон и говорит: – Безобразие,
Упал на меня орех – вот оказия.
Сжал он хоботом орех – не расколол,
Топал, хлопал, бивнями молот –
Ничего у слона не получается,
Впору сесть и отчаяться.
Думает слон: – что за яблоко? –
Потерял на этом деле два каблука,
Бивни погнул...
Ужаснулся слон: – Караул! –
И пустился бежать,
А орех, как лежал, так и остался лежать.

Василина Орлова

Шелковый путь пролег в облаках.
Долгой дорогой бредет караван.
В саван мертвого облекал.
Живую паранджой закрывал.

В город минаретов верблюды облаков
Входят, кивая, в шитых пополах.
Бивнями небесных слонов
Край неба порван и перевернут.

Рисунок **Кристины
Зейтунян-Белоус**
(бумага, гуашь, акварель)

Александр Карпенко

Красный слон

Дети малые красками разными
В зоопарке слона разукрасили.

Слон стал красным, а бивни – зелёными,
Слон глазами смотрел воспалёнными
На забавы детей и чудачества,
И забыл он о времени начисто!

Было жарко, и в эти мгновения
Одного он желал – омовения.

И омыт был весенними ливнями
Красный слон с изумрудными бивнями.

Вдруг донёсся страшный топот.
Может, к нам приехал робот?
Дудки: в дом ввалился слон.
И пришёл без тапок он!

Владимир Коркин

Ярославль

МАСТЕР СНОВ

что-то шёпотом-лепетом листья тебе ввечеру
зашептали шушукались лили невнятную речь
и ленивые волны с Луною играли в игру
и на берег песчаный пытались щекою прилечь
а тебе было что до того ты устал и уснул
и не слышал шептаний не видел с Луною игры
там во сне кто-то трогал несмело на скрипке струну
и катились под горку цветными шарами миры
было грустно от счастья и слёзы текли из-под век
век стекал по часам искажая всё жидким стеклом
балерины фарфоровой таял в тени арабеск
и фарфоровый слоник с комода махал хоботком
и Луна подплывала к тебе по велению волны
становилась огромной как в детстве когда заболел
ты проснуться не мог погружаясь в тягучие сны
и зови не зови возвращаться назад не хотел...

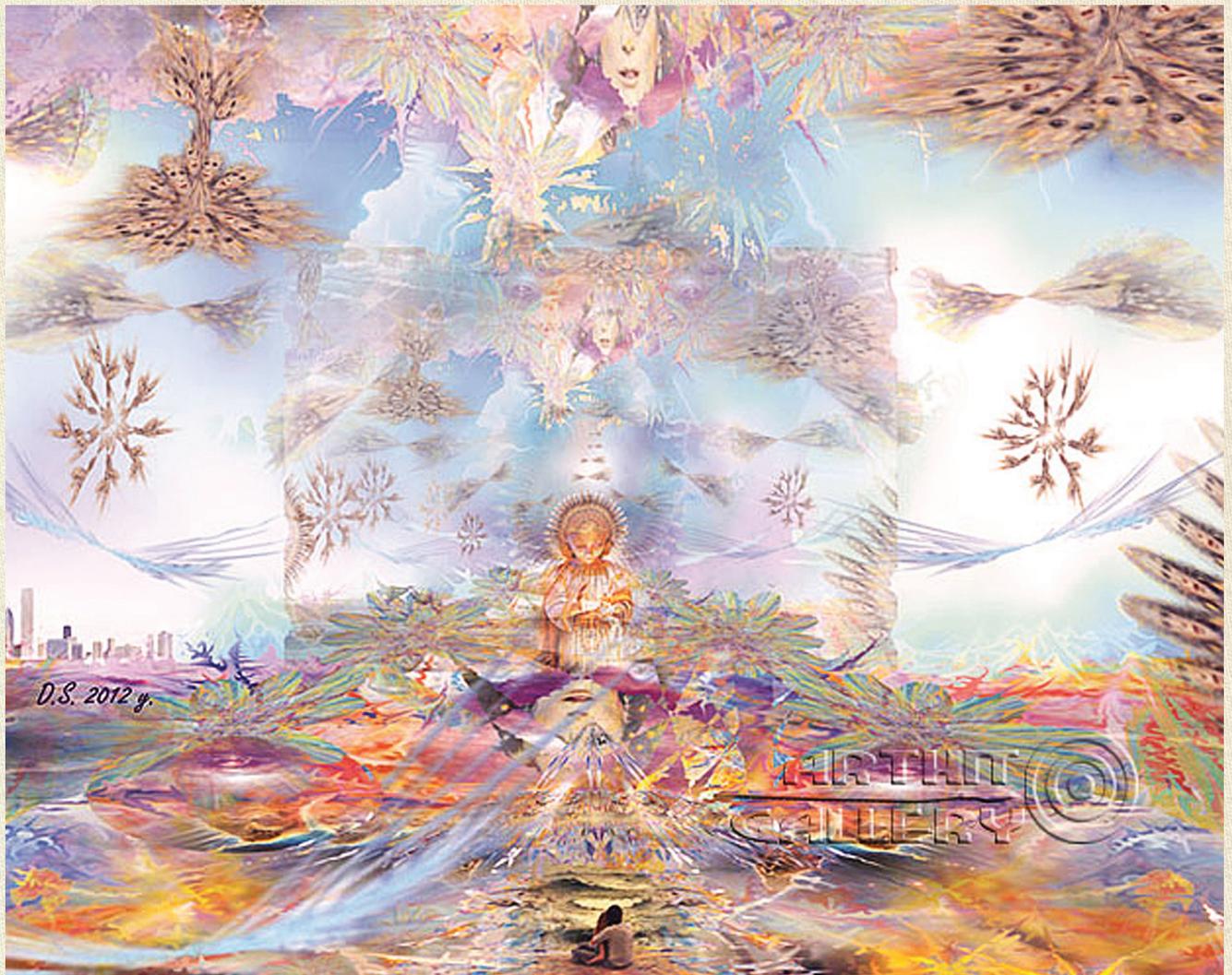
ПРЯНИЧНОЕ

Всё ли так прянично, детка?
Всё ли так палех да гжель?
Вольная воля – что клетка,
Если не чумем вожжей.

Высосав пышность ампира,
Спи, среднерусская грусть
Там, где чумея от пира,
Раньше хрусталился гусь.

Что нам танго с хабанерой,
Если, душою больна,
Словно под порохом серым,
В пыльном плену хохлома?

Будет ни слуха, ни духа
С муромских древних дорог.
И самовар цокотуха
Сплавит в базарный денек...

ЯБЛОЧНОЕ

Ньютонствовать нынче опасно,
Сегодня – раздолье для Ев.
И светятся яблоки красным,
На солнце бока обогрев.

Сад тонет в ночном аромате
Ранетов, анисовок, мельб,
И шепчется с кем-то Праматерь
С оглядкой на райскую дверь.

Сомкнутся усталые веки,
Проснется прозрения дар...

...И яблоко бухнется с ветки,
Как сердца последний удар.

ЛОРЕЛЕЯ

1
не ласкала скалы бы, словно прима «Ла Скалы», голосом,
кто бы знал о тебе, – что на Рейне, что где-то на Каме,
или это твои золотые, как солнце, волосы
в тихих плавнях шуршат засохшими камышами?

и твоя ли, всё-таки, песня сбивает с курса,
заставляя бросаться туда, где, не зная броду,
лишь в последний миг поймёшь, что любовь – искусство,
прежде чем безвозвратно канешь, как камень в воду...

2
... а туманы утрами белёсы ресницами альбиносов,
словно сны уплывают, и тогда, со сна соловья,
вспоминаю твои глаза, что слегка раскосы,
твои косы, да имя напевное – Лорелея...

звучом дудочки тростниковой в тумане утра
буду сутру тебе слагать на далёкой Каме.
Лорелея, Ева, Лилит моя... кама сутру
наших душ барельефами в храмах лелеет камень.

Андрей Канавщikov

Великие Луки

На свадьбе

(монопалиндром)

Молодежь – лад.
Мороз. Водопад.
Арапу – джин, автомат,
Арапу Адаму ахи нежу:
«Юн – и зарежу!».
И лад. Юны. Думе – немота.
Он – не босота
В свитере. Наива мат
Тама – ВИА. Не ретив сват,
Особенно атомен. Ему – дыню,
Дали уже разиню.
У жениха ум ада
У пара, там от Вани жду парада.
Подо взором
Даль же доллом

Ц-цапля

Цедим цивильно-циничные цели,
Цацки цензуры, целительный цирк,
Цапля – царевна, цельная церковь,
Цапля – центральная, цезарский цык.

Цивилизация, цикл целлофана,
Цех церемоний, цюрихский цинк,
Цапля – цветное, цитрус циана,
Цапля – цитата ценителей цып.

23.04.2013

ТРИМЕР

Полнолуние. Тени в окне,
РаРитетные книги горят,
ИсИсляется день по луне,
Зубы Зомби расставлены в ряд.
Реки Рдеют кровавые здесь,
АтлАнтиды никчёмные мрут,
КаК естественна чёрная месть!
И такой весь он, ваш Голливуд...

15.04.2013

Анатолий Устьянцев

Тверь

Женщина – воздух.
Мужчина – земля.
Ангел меж ними летает.
Нижнее «до», верхнее «ля».
Воздуха мне не хватает!

Чем же тогда я дышал столько лет,
Это дыхание пряча?
Всё давал за обетом обет,
Зная – не будет иначе.

Чувствуя, что от себя не уйти,
Безрезультатны попытки...
Жизнь – это только начало пути
По Ариадниной нитке.

Что будет дальше – не знает никто.
Жди потаённого знака.
Как одиноко в прихожей пальто! –
Горестный знак зодиака.

...Перед зимой притаилась земля.
Вот уж снежинки летают.
Верхнее «до», нижнее «ля».
Как мне тебя не хватает!

Женщина,
не нашедшая себя в мужчине,
Предаётся небу,
Пеленая свою плоть,
словно младенца,
Которого так и не родила.
Покушение на жизнь
И покушение
на возможность жизни –
Не одинаково ли тяжкий грех?
Когда я вижу такую женщину
в церкви,
То всегда думаю:
– О чем она может
разговаривать с Богом?

А как тебя зовут

1.

– А как тебя зовут?
– Да не зовут меня, а чаще выгоняют.

2.

вот помню искру пионерский лагерь
где за распитие и за три дня до смены
окончания нас выгнали троих архаровцев
потом пошло поехало из партии с работы
неоднократно заодно из института
из творческих занюханых союзов
со свадьбы собственной из дома а теперь
из жизни гонят
куда податься бедному еврею
где палестины обещанные где
калашные ряды или шесток хотя бы
и проч а ты зовут

3

– Зимой – Фомой, а летом – Филаретом.

Чухлома ты моя, Чухлома!
Край непуганого ума.
Говорили: «Чай-сахар дарма».
А потом: двадцать пять. Колыма.

Говорили: «Ходить в спинжаках
будем все. Подымайся, давай!»
Говорили: «Круши-бей-ломай».
Нынче праздник Октябрь-Первомай».

Накрушили... А дело-то швах.
И зачали чесать в головах.
Ить выходит – одно на словах,
А на деле – «лишение в правах».

И обратно – не мы в господах.
Мы, как ране, – в репьях-бородах.
С челобитными в ихних судах.
А они – в теремах-городах.

Вышло боком нам это «дарма».
Нахлебались по ноздри дерьма!
Чухлома ты моя, Хохлома!
Как живем? Не приложить ума.

Акварель **Галины Якубовской.**

Наталья Малинина

Ярославль

СТРАХ ГЛУБИНЫ

Позволь мне на прощанье целовать
и греть губами знобкие ладони,
смотреть в твои глаза – они бездонны:
я в них боюсь надолго заплывать.
В них нет материков и островов
ни одного надёжного причала...
Пока обоих нас не укачала
бескрайняя любовь без берегов;
пока шторма обыденных обид
наш парус на клочки не истрепали;
пока врасплох нас беды не застали,
пока предательство под килем не бурлит –

прости и постарайся осознать:
хроническое счастье – невозможно.
Я не хочу любовь ополнить ложью
и болью неизбежной изнурять.
Пусть в Волге распластается закат,
и наши опрокинутые лица,
и больше никогда не повторится
ни берег, ни волна, ни этот взгляд.
Вся наша нежность – скрытая тоска.
...Ну отними с лица мои ладони!
Всмотрись в мои глаза – они бездонны:
в них берег не пытайся отыскать.

Олег Горшков

Ярославль

Мене, мене, текел, упарсин

Приходит время медленнее жить.
Преследуемый собственной тенью,
вновь сознаешь, что жизнь принадлежит
свихнувшемуся богу нетерпенья.
Не то с чего б так яростно частить
колоколам к заутрене, с чего бы
такая разоряющая прыть
у мытаря-борея? Смотрит в оба
неясыть-осень, только оступись –
подхватит, понесет с листвою и дымом
в кромешную беспамятную высь
с ожесточеньем неисповедимым.
Борей всё сыплет зябких голосов
толченное стекло, но ты не слышишь,
и свет качнется, будто свет, как софт,
скачать возможно, кликнув небо мышью
слепой тоски, как будто можно впрок
налюбоваться хрупким этим светом,

всё выговорить в смуте беглых строк,
напрасно, надыхаясь ветром,
взять если не уменьем, так числом
проб и ошибок, чтобы, пусть отчасти,
пусть лишь на миг, почувствовать потом,
как нестерпимо призрачное счастье.
Вот и несет кочевника поток –
непоправимо, властно, неустанно,
и снова ускользает между строк,
в тцете словес глагол обетованный,
безмолвно гаснет в пене голосов,
в пустынях Мегафона и Билайна,
и чудище вращает колесо –
стозевно, обло, голодно и лаяй.
Приходит время... что ж ты от него
всё прячешься, цепляешься за вещи,
которым имя – пища жерновов,
из полымя да в пламя перебежчик?
Зачем бежишь?.. Но, сколько ни проси,
как ни пытай скитальца, нет ответа,
лишь «мене, мене, текел, упарсин» –
колокола трезвонят несусветно...

Наталья Каминская

Рязань

Острые грани

Острые грани больно ранят
Является образ без возраста
Я понимаю, что где-то за гранью
Многоточье не ставят вначале листа

Падают с неба сугробы снега
Мешая процессу познания
На краешке звездного озера где-то
Увижу твой образ – за гранью

Будто волной накрыло
Квадратными слайдами россыпей
Я дверь за собой закрыла
Я ухожу без почестей

Вслед не догонит эхо
Ветер погонит в спину
Дождь с горестным смехом
Размоет мою картину

Я – то, что нет на карте
Я – то, что не будет завтра
Мне – не надо памяти
За меня ошибки исправите
Разговоры за жизнь ненужные
Глаза отражаются лужами
Я – то, что не будет на свете
Я – то, во что не поверите
Меня – не существует, в сущности
Таких называют без будущего

Ойкумена онлайн

Ойкумена онлайн. Самых грязных котов из мешков извлекают на свет просветители Яндекс и Гугл. Се – cloaka maxima, лишь чокнутый книжник Мошков, оцифровщик словесности, загнанный временем в угол, всё упорствует в ереси – что за причуда, на кой? Поколенью клоаки накакать на библиотеки, ибо библия – Твиттер, и мутною желтой рекой громыхает контент – ныне, присно, на вечные веки. Толчея голосов, языков нескончаемый чёс, вот и ты как бы жжешь, человек, исчадие чата, и откликнется кто-то, почуяв живое: рулём! – тоже что-то из библии. Солнечный зайчик в сетчатке вечеряющих глаз затрепещет, но спрячется вмиг. Словно саваном, речь спеленали рогожей жаргона. И не нужно костров, ойкумене теперь не до книг. Никакую трубой стены этого Иерихона не разрушить уже. За окном ослепительный снег – ойкумена-3Д имитирует зиму на свете. Есть ли жизнь после сети? – бормочет в тоске человек, снова ищет ответ, и, как прежде, не может ответить.

Дарьяна
Лемтюжникова
«Крик» (смешанная техника).

Наталья Никулина

Обнинск

по Млечному Пути полечу
вокруг Земли поплыву
по Золотому Кольцу поеду
по дивеевской Канавке к Божьей Матери пойду...

к себе вернусь.

слева направо – сердечная недостаточность.
справа налево – недостаточная сердечность.
и пленными не обмениваются.

самый страшный суд.
самый последний.
самый правый.
все, кто любил, –

направо.

носить сердечные шумы
в сердечной сумке.
смешно. не правда ли?

Дарьяна Лемтюжникова

Nocturne

На простынях не ночь, а партитура.
Движение – замедленная мука.
В трёх плоскостях дрожит твоя фигура:
Кричишь. Фотографируемость звука

Не в фокусе. Размытое пространство
Свободно тонет в вязкости триптиха.
Молитвенно-земное пуританство
В моих ладонях обладает тихой

Неузнанной возможностью перечить
Канонам бытия и равнозначно
Внезапному падению на плечи
Шального ветра, говоря иначе,

Похоже на умение касаться
Реальности, слоёной и строптивой,
Во время упоительного танца
На краешке линейной перспективы.

Лариса Желенис

Ярославль

Ева

Уходить от тебя
не хочется.
Да меня просто –
нет!
Но за кротким дождём
полощется
хлопотливый рассвет.
Я толкну тебя в бок,
полусонная –
«Дорогой, мне пора».
Появлюсь поутру,
влюблённая,
... из ребра.

Часы

Сочтённые веками
минуты и часы
уложены витками
в старинные часы.
Качнувшееся бремя –
как маятник, мораль...
Свернувшееся время –
гремячая спираль.

Лёгкий бег секундной стрелки
по дорожке невесомой –
это Время, словно белку,
посадили в колесо мы,
и минуты сочинили,
и построили Пространство...
Мир на части разделили –
потеряли постоянство.

Гроза

Над летним днём нависла арка
Гранитных, тёмно-сизых туч.
Из колесницы спицей яркой
Последний вывалился луч.
С великолепного проекта
Сорвется конница гнедых –
Прочертит в небе Архитектор
Зигзаги молний молодых!

Евгений Коновалов

Ярославль

Протей

*Не утолён ни сном, ни хлебом,
и трупом брошен перед Богом –
что я могу под этим небом?*

Кишиштоф Камиль Бачинский

1.
Каллиопа, прими эхо голоса в волнах времён!
Эра гламурных икон оглушает потопом известий
о катастрофах, скандалах и выборах – где лохотрон
жатву исправно срезает, где именем нефти и мести
правит Wall Street, где на порносайтах распущена и завита,
муза, твоя оценённая и обесцененная красота.
2.
Esse homo – съёмных метров. Сам двуног и одинок.
Костерит с утра будильник, пахнет пивом и на кухне
заправляет макароны во вчерашний кипяток.
По привычке доедает то, что к вечеру протухнет.
Одевается, торопится к пределам бытия
в сердцевину небоскрёба. Может – ты, а может – я.
3.
Собирается в путь старина Менелай,
препопашась мечом для порядка,
из Ла-Манчи на кляче в искусственный рай
вдохновенных античных осадков –
в край, где Кальв и Назон дуют шмаль и газон
и встречают початой канистрой
проходящий состав «Ярославль – Илион»
с недоделанным постмодернистом.
4.
Город славы и ярости! Тысячелетним волхвом
с юным сердцем язычества ты на развалинах храма
кудри в детстве дирал мне. Теперь помоги. Напролом
через ямы безвременья шаг укрепи – чтобы прямо
от проспекта забытого Октября
ненадёжными улочками Свободы
через тридевятое царство моды
к удалённому богу ввести как-нибудь себя.
5.
Старец, как мастерски прячешься ты! Как искусно
влагой уходишь сквозь пальцы сомнения! Светом
штопаешь ткань мироздания – вот, я верчу её! – ты же
всё остаёшься с изнанки... Куда уж – поймать и желаний
счёт предьявить... Над царём своей собственной клетки
уж не смеёшься ли ты?! Или – нет тебя вовсе?!

Фото Елены Кацюбы.

6.

Рады представить Иова Петровича. Пятый год как бомжует. Раньше – верующий бизнесмен. И вот кинули на квартиру, жена ушла, сам в лишаях. Анекдот практически. Месяц пил и обзванивал всех. Друзья давали по мелочи, потом стали бить. Мол, нельзя быть опущенным. Спал на стройках. По парапету скользя, костерил всё того же бога. Уж не помер ли? Как раз наоборот! На Казанском вокзале у пригородных касс на тебя он глядит, пресыщенный днями, и посеичас.

7.

Так полюбуйся, из какого сора оно растёт, не ведая стыда...
Спеши, Атрид, кишками коридоров,
вдоль подоконников с бычками да презервативами, среди настенных шедевров, освещённых в меру сил невывернутой лампочкой, под сенью которой здесь и рос ты и любил.

8.

Хлопнем колы с портвейном, патлатая молодость!
Ночь ноября –
за надёжный предлог. Всадник-ветер нагайкой хлещет вымерший город, взметая листву, норovia с кровли сбить оцинкованный лист. Ну, давай-ка,

гулкий голос самоубийства, в осенней безжизненной тишине под ноги падай – ахейцем в загремевшей на асфальте броне.

9.

Философы в профессорских сюртуках,
богословы, раввины, идеалисты...
...«есть идея идей» или «вещь в себе» – и в умах теоретиков, а значит, не слишком близко.
Сколько ангелов у него в игре,
сколько видов имеет его обличье,
доказательств – у его бытия на птичьем языке в талмуде и словаре?

10.

За витриной танцпола мрак расцветен и груб,
и сиреневый дым тамтамов от фальши не уберечь, но – пусть клубится. Объятия полуоткрытых губ пьют коктейль – неоновый, силиконовый, бесконечный. Вот она, площадь Юности. Под шелест кленовых одежд ветер-вожатай удовольствиями латает лоскутья надежд.

11.

Призрак хотя бы, отблеск нездешнего, дуновенье мира иного, хора какой отголосок, от крыльев пёрышко, тень на песке – всё, всё, но чтоб только

ясное, несомненное чудо! Нет его. Да и готов ли вынести встречу такую? Не проще ли перебиваться с чёрствого хлеба молитвы на муть суеверий?

12.

Рады сообщить, что в три часа ночи над Москвой был замечен НЛО с человеческой головой, птичьими крыльями и, как это ни странно, трубой, сиявшей не хуже луны. Всё было воспринято как потенциальная угроза Российской Федерации, акт терроризма и разжигание межнациональной розни – в знак несогласия с курсом. После экстренного звонка наверх связались с послами. Причастность своей страны отверг каждый. Решено замочить ракетой и оформить как фейерверк.

13.

Заведение называлось «Неверующий Фома» и за семьдесят лет пропиталось окриком, маршем, страхом. Этот бомбы ваял или строил канал. Отгуляв обед, другой становился урной с прахом. Богом – Маркс, духом – Энгельс. А по заветам сына и жилось и любилось. И на зубах приручали древнегреческий космос и не находили старика в облаках.

14.

– Как много букв, ну ты писать!
Когда же есть и спать?
– Слабо перестонать «Сплина» или «Любэ» слабать?
– Брателло, всё-таки пробей, что это за Протей?
– Бывали хуже времена, но не было попсей.

15.

А на выходе столько свободы разом – жги да гуляй!
Стал Егорыч крутым, ставит стрелки. В разводе Катька и спился Николай.
Голой силушке набычиться-то недолго, таперича наша власть!
– Очкарик, ты нам денег должен! – И понеслась.

16.

Чёрный воздух превращается в дождь, из дождя – в снег, гнусь и пьянь. А на завтра – интеллигентнейший человек, для цитаты с примером читает Гомера, посмеивается над теми троянцами, кто не видал ни руна, ни Елены, кому эти стены с пятиборьем вокруг – не победа, но проигранный и бесславный финал.

17.

В понедельник на планёрку. Новых сообщений нет. Скоро восемь миллиардов – и ни одному не нужен. Подготовьте прайс к обеду. Дочка поступает в мед. Говорю ей: «Ну и дура»! Сколько там берут?

Послушать

вас, так все берут. Не офис, а еврейская семья. Кто из вас помрёт до завтра? Может – ты, а может – я.

18.

Выкусите, не ваш, Эринии бандитских кровей – по шею в законе, квартале и фене! Змеиные головы фонарей клонятся долу – не то с удивлением, не то с пылким желанием обняться и проводить – по Которосли? по Коциту-реке? Жить, только жить!
Отбитое горло бутылки – в руке, лёд – под затылком.

19.

Собирать по частям слух и зрение, солоноватый вкус во рту перебить вязким матом, привалиться к щербатой стене и дышать – до истомы...
Ветер смерти шумит над домами, ветер смерти полузабытым знакомым заходит за нами, с пьянки под руки уводит вовне.

20.

А за стенкой гуляют – и пол ходуном. Кто от страха поёт, кто рыдает вином. Невинный, причастный, случайный человеческий голос идёт косяком по воде удовольствий и грёз – напролом от одной до другой смертной тайны.

21.

С ума сойти – а всё не уберечь ни зелень тех зрачков, ни эту речь бессмысленную, ни святую осень... Ни чуда женской ласки со стыдом, ни колкой Вегги сквозь вершины сосен, ни солнечного блеска на крутом изгибе Которосли... Плёнка так тонка! Что Трою взять, что сделать шаг.

22.

К богу ли, к дьяволу припадать с этой жаждой? Сколько любви да грехов! Ни на грош – оправданий. Сказочный ад и акриловый рай – всё пасует перед пиршеством чувства. Вот сатир и вакханка плящут. Пустынный Иероним морит себя. Вот неожиданно выпита чаша – и вот её ставят на землю.

23.

Рады обнародовать прайс-лист на аренду храма Христа Спасителя, прочих услуг. Освящение яхт, вилл. Мзда скромная. Со священником – пятьдесят, с настоятелем – до ста

тысяч в час малый зал. Заказы банкетов, месс, презентаций, торжеств, литургий – всё считая без охраны. А то недавно какой-то узбек на амвон залез да как начал орать: «Торгаши, убирайтесь прочь из господнего дома!» В результате провёл ночь в КПЗ, дабы ученикам неповадно, а самому – невмочь.

24.

Ночной пустырь. Шаги в тишине – вкрадчивые, как гром.

Андрей Мёртвый проулком идёт – темней мрака, отчётливей звёзд. Под плащом одна рука – память – копается в прошлом, другая – совесть – ощупывает дорогу, служа родом компаса. На голове – то ли грива русских волос Менелая, то ли патлы бомжа.

25.

Олимпийская народная вера! Вольготно в ковчеге твоём, только вот обмелевшая ночь ноября зовёт прямоком к ненадёжной стене; с неизвестным количеством целых

рёбер и лет впереди; с лицом цвета мела, припорошенным алой крошкой, – вскользь замечать, как фигура подходит. Оружие рядом – нож бесславной поэзии – самого же прошивает насквозь и не замечает преграды.

26.

Вот и кончена работа. Наконец-то можно взять пару банок «Ягуара», чтоб уже без остановки чувствовать себя брэйк-дансом или всех кругом влюблять в те же ноги. Ну а дальше – и случайно и неловко под немецкую порнушку скомканная простыня, до будильничного утра. Может – ты, а может – я.

27.

Кем быть – до рождения в таком чернильном аквариуме? Кто веет мистическим холодком вдохновения? Как зарифмовать жизнь? А тот стал уже вплотную – и не ответы, но себя в тебе узнаёт. Сеть из трещин. Поток иллюзий рассыпается стеклянным дождём по разбуженным небесам и земле. Осколки звенят о своём. Беззвучный хохот сатори. За воздух держись. К себе иди. А всё, что искал ты, – и так с тобой.

Картина **Сергея Борисова** (холст, масло).

Ирина Манина

Шарья, Костромская область

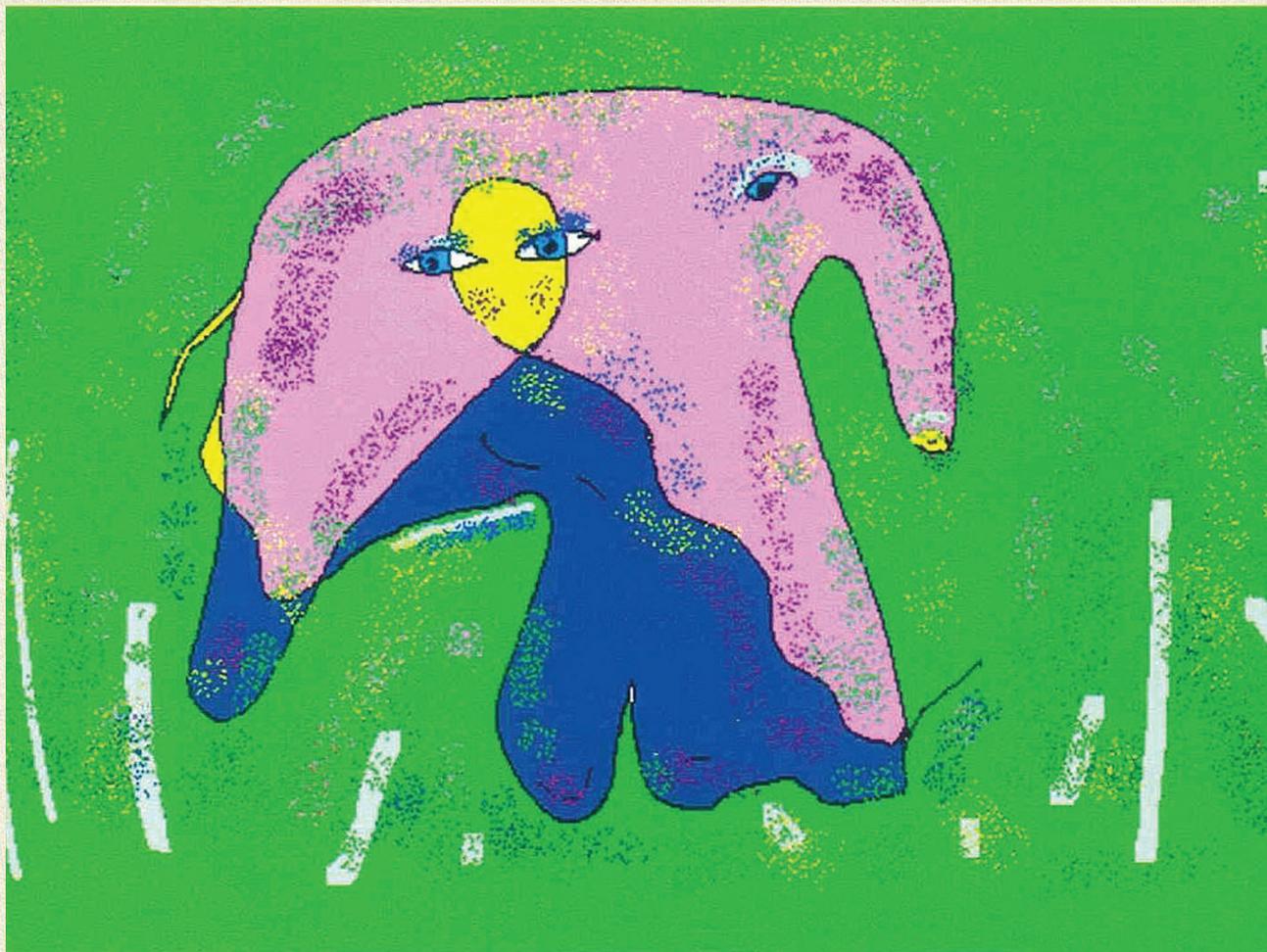
Песочный человечек из окна
Предсказывает: окончанье скоро.
Графитным заострением весна
Врачебным чертит вензелем узоры.
Рассыпан в бесконечность майский шелк
И телеграфом шлет приветы лето.
Кукушка, отпуская годы в долг,
О парковых опять твердит рассветах.
Осколком солнца в лужах талых вод
На потолке вечернем стыннут блики.
В час отрицанья всех земных забот
Разбудит память дней минувших лики.

Жизнь – диплом с перекрестными ссылками,
С колонтитулом в верхней строке.
Приложения – файлами, дисками –
Все доступны в открытом «окне».
Переводом шаблона изысканы
Для науки объекты и цель,
Во введении слепо и искренне
Затверженное впрок резюме.
В три главы уложить описания
Всех страданий, сомнений и мук,
Чтоб представить на суд ожидания
Сердца клавишей бешеный стук.

Я не прошу уныние покинуть дом.
Он опустел уже давно, и мы вдвоем,
В муку перетирая дрязги быта,
За дверью, скрытую репейником, живем.

Татьяна Зоммер (ДООС, Зоммерзавр)

«Девочка Луна и слон» (Компьютерная графика).

Константин Матросов

Кострома

СЕРДЦЕ

всё чаще чувствуется так себе –
без слёз, размаха и восторга,
приходится себя вытаскивать
как стриптизёрше вверх из торта.

мне кажется, что люди померли,
и я, хоть и живой, – за ними,
духовно мир пустился по миру,
эй, учащённый пульс займи мне.

да, вроде бы и ходят толпами,
сидят в кинотеатрах кучно,
но чувствами не веет тёплыми
и даже трахаются скучно.

разбей и разбери по винтику,
ударь высоковольтным током,
пусть я порвусь, рассыплюсь, вытеку;
не быть бы только одиноким.

погибнуть с горя или со смеху,
и, оттолкнувшись каблуками,
взлететь до бархатного космоса,
завешенного облаками.

идёшь, ногами грязь спрессовывая
на вымокшую остановку,
монету сквозь толпу просовываешь,
трясаясь в изгвазданной обновке.

и едешь прочь от бывшей девушки,
все отношения с которой
(неважно: ревность, скука, денежки)
иссякли в срок весьма короткий.

она сказала мне: «проваливай».
и не могло никак согреться
в груди на плитке диафрагмовой
застывшее внезапно сердце.

из транспорта сойду на улицу,
чтоб довести себя до дома,
где превращусь в инете в устрицу,
дрейфуя по морям бездонным.

Дарьяна Лемтюжникова.
«Поцелуй» (смешанная техника).

высотка рядом в накомарнике,
фасад от писка трассы прячет,
крадут листву ветра-карманники,
столб, пополам согнувшись, плачет.

из кабака сквозь шум ненастыцца
пузырящегося, как пепси
мне, неожиданная, на сердце
ложится медленная песня.

но что по радио ни каркайте
зацепит если – ненадолго.
повсюду автоматы, карточки,
в которых ни души, ни толка.

у плазменного прикладываешься
к бутылке разливного пива
и долбишь пальцами по клавишам
то нехотя, то торопливо.

и сердцу муторно в теперешнем
больном ангедонией мире,
что поражает длинным перечнем
нас, замурованных в квартире.

Сергей Уткин

Кострома

Жизнь любопытна и задаёт мне множество вопросов –
Я отвечаю только на Бога.
Он ничего не даёт мне за это,
Но понимает и иногда отвечает на меня,
И я счастлив.

Были дни, ослеплённые Солнцем, Луной,
Всеми звёздами неба расцветены,
Я когда-то бывал навсегда молодой,
А теперь только юностью меченый.

Только лучше вот так, плохо видя вокруг
И бродя в мир согбенною старостью,
Постараться не выпустить только из рук
Эту юность, и правду, и память, мой друг,
И прожить этой внутренней радостью.

Жизнь не слушалась математики.
Формул ныне не признаёт.
Я считал её до Антарктики
И оттуда наоборот.

Всё посчитано: годы, шарики
Солнца, звёзд и немых планет,
Лишь один алогичный маленький
Неподвластный ей человек.

Цифры умные, вас жалею я!
Математика, не грусти!
Нам не справиться со злодеями,
Логарифм меня прости!

Олег Власов. «Ковчег» (холст, масло). 1994 г.

Валерий Мутин

Пречистое, Ярославская область

«Вначале было СЛОВО...»

(Мысли вслух)

Из несметной массы чисел,
Нервных клеток, звуков тьмы
Тот язык, что нас возвысил
Над другими... кто нем.

Где текла река-красавица,
Придавая краю вид,
Всеми лилиями старица
В небо синее глядит...

Старица...

Как и люди, реки старятся.
Как и мы, они преставятся.

Но, когда они преставятся
На Земле рубцы останутся.

Лети, лети вперёд, моя машина.
навстречу дню, лучом пронзая ночь.
Я уезжаю – так судьба решила –
от вас, рабы вещей и денег, прочь.

Туда, где души тонкого пошива,
где воздух чист, а купол неба – синь.
Лети, лети вперёд, моя машина,
лети, пока не кончится бензин.

Русь уходящая

В России пахаря не встретишь скоро.
Уж не село – посёлок с карты стёрт.
Остыв к земле, ушли крестьяне в город –
быстрее, чем город, кладбище растёт.

Не год, не два – и я блуждал по миру,
Пока домой не привели пути.

**На наждаке не серп точу – секиру,
чтобы родное поле перейти.**

Ночной гость

*Случай этот произошёл со мною в
далёком 1946 году. Что это было
сам я ни понять, ни объяснить не
могу. Но я до сих пор живу с этим.*

В ночи –
что в омуте
глубоком.

В трубе не ветра – волка вой.
Я сплю на печке. Кот под боком,
Шинель отца – под головой.
И вдруг совсем иные звуки
Мне слышатся в печной трубе...
О, мама, мама! – чьи-то руки
Я ощущаю на себе.
Весь в белом, словно изваянье,
Склонился кто-то надо мной.
Я вижу слабое сиянье
И слышу голос неземной.

– Малыш, служить ты музам призван,
Но без меня в кругу любим,
Как ни гори – не будешь признан.
Ты будешь век моим рабом!
Потом, судьбу мою листая,
Сказал: «Тяжёлым будет крест...»
И в синих сумерках растаял,
Как привиденье. И исчез.

То ль лёгких крыл, то ль ветра шелест
Умолк в вечерней тишине.

– Кто он, таинственный пришелец,
Что душу так встревожил мне?
Посланец ада? Ангел Божий?
Кто на вопрос мой даст ответ?
Судьбою тяжкой, с рабством схожей,
Отмечен я был с детских лет.

*Вот и сейчас Он стоит за моей спиной, руководит
мною, водит моей рукой. Он вне времен.*

Надежда Кудричева

Ярославль

Жанна

Вечер эбеновой тростью
стукнет со злостью в стекло –
сколько бы ни утекло
времени, щукиной костью
в горле всё то, что могло
сбыться, да не состоялась
битва. О чём сожалеть,
пленница? Памяти плеть
намертво в мякоть впаялась.
Бейся, ломайся о клеть
верности.

Вязкая вялость
дыма – ответ на огонь
вечный. Пляши саламандра –
Жанна. Сегодня команда
карлов протянет ладонь,
требуя царства. За бронь
ты рассчитаешься. Войско
слепо пойдёт за тобой,

сплавив усталость и боль
до консистенции воска
верой, что выиграть бой
сможешь.
Но до рубикона.
Подлость, предательство, страх –
в ключья твой флаг на ветрах
и ни копьё, ни икона
не сберегут. Полный крах.
Девочка, твой ли? Ну что ты!
Мира, заплывшего тьмой.
Кто, от страданий немой
плачет?

Вселенной пустоты
жгущей ладони тесьмой
ловко латаешь, надежды,
мудрости, ласки клубок –
сердце твоё и любой
принят, утешен. В одежды
смертным – узором любовь
ты перед казнью вплетаешь.

Михаил Бузник

1. Запись его голоса
над исчезновением пути
земного...
Сквозная печаль бытия –
уходит.

И разумение невозможного
подобно власти
материи полупрозрачной,
что небосклон разрывает.
9.3.2013.

2. Спешит, спешит реальность!
Но волны и морей – оплакивают
невпопад –
каждый час фиалок умирающих,
поднебесных.

Палачи же торопятся!
К кому?
8.3.2013.

3. Поворотная явь чуда
когда-то течение Сены
задумала –

ПРОЩАНИЕМ ИЗ БУДУЩЕГО,
незавершенностью зеркальной
синевы недозволенной.
2.3.2013.

4. Закрой глаза! – как же всё
СКОРОТЕЧНО.

Корабли... Корабли...

Кто так подло связал жизнь
друга моего Владимира?

Вот и вижу – КТО! КТО!

Зло же не вышвыривает их
из окна!
Ведёт к трону новому!
7.3.2013.

5. Он видит свою маску
на любой линии
Вселенной...

Нервные центры Лика –
отраженные в маске –
ошеломляют.

/ Слитки лунные всюду.
Могилы – это вены
земные
для пересечения судеб. /

Девять дней – как умер
Владимир Чайка.
10.3.2013.

Летающий дом

Вчера со мной говорил дом.
Не люди, которые жили в нём,
а сам. Фрамуги глазниц открыв
давай, говорит, рванём в отрыв.
Махал карнизами вверх и вниз,
по-рыцарски мне подставлял карниз
крыла – летели, куда хотели,
куда глядели и не глядели,
луну задели, Казбек раздели,
из белоснежной его кудели
напряли шерсти, соткали плед,
связали нежной зимы куплет,
кормили смехом костёр зари,
хвостом виляли нам пустыри,
гнездили дом, поправлял крыльцо,
бодрился, выглядел молодцом,
шепнул смущенно «до завтра?» дом.

А кто-то знал, что его на слом...
Зачем мне радость вся земли,
раз мой летающий дом снесли.

Дмитрий Белолопещкий

Суздаль

Анастасия

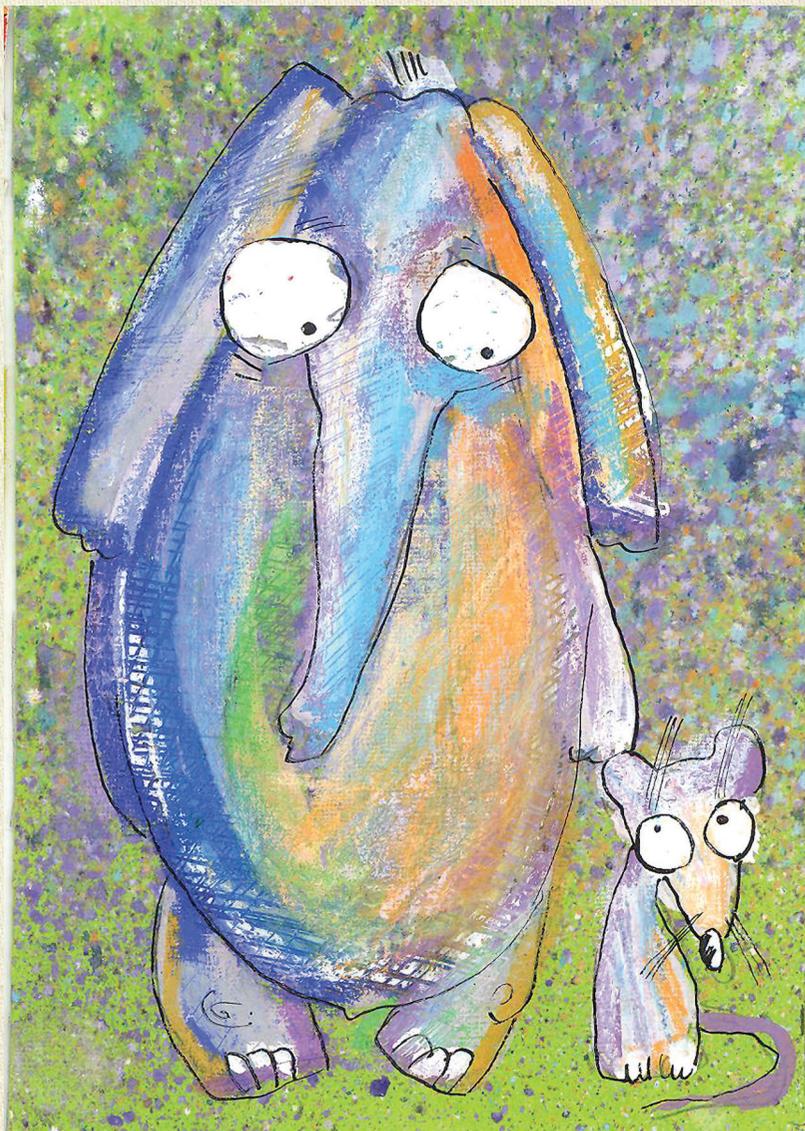
Опрокинула вьюга день в ночь,
Когда ходила Анастасия,
Над полями и над вьюгою,
Да укрывала ветви инеем,
И шептала ветру:
«Расскажи всем,
Что идёт ещё одна жизнь».

Всё закрылось светом.
Вьюга утихла.
Ветер запел.
И тёплые ладони одарили сном.

Спи, я покажу тебе всё,
Ты увидишь весну,
Ты узнаешь птиц,
Ты научишься любить ветер
В поле без края,
Где небо прорастает в траву.

Картина **Сергея Борисова** (холст, масло).

**Владимир
Миодушевский**

Владимир

Слон и тень

Слон спонялся целый день,
а за ним слонялась тень.
Рядом со слоном плыла –
уменьшалась... и росла...
Слон, как тень не изменялся,
каким был таким остался

Жених и невеста

Прилетела, словно птица,
Долгожданная любовь.
С Катей я решил жениться,
Повторяю вновь и вновь:
«Хоть и дразнят: «Тили-тесто»,
Ты не дуйся на ребят:
Мы с тобой – жених с невестой.
Знает пусть весь детский сад!»

Рисунки **Нatalьи Таберт** (Тюмень).

Владимир Герасимов
Вязники, Ярославская область

После дождя

Дождь по крышам
Барабанить
Целый день устал.
Он не ждал,
Когда попросят –
Взял и перестал.
Распахнули
Люди ставни,
Взгляды расцвели.
По следам,
Что дождь оставил,
Травы побрели.

Элла Меркулова

Кто решил, что Слонолёт
Вдруг заменит самолёт?
Чтоб внедрить такой почин
Нужно множество причин.
Для столь явственной замены
Нужен повод непременно.

Нужно толк в полётах знать
И комиссию создать,
Чтоб она учла все факты
И представила все акты.
И, чтоб каждый, кто летал,
Сам свою оценку дал
И шасси, и самолёту,
Да и самому полёту.

Всё комиссия учла
И собравшимся прочла:
«Элерон и лонжерон

Создают в полёте звон.
Птицы встречные летают
И в пропеллер попадают.
Часто облачность, туман
Вносят в видимость обман.

И на взлётной полосе
Приземляются не все.
А эксперты с толку сбились.
Но крушенья участились».

И решил тогда народ:
«Пусть летает Слонолёт.
Он живой, он всё поймёт.
Он не из металла «птица».
С ним легко договориться.
Пусть слетает Слонолёт
В испытательный полёт.
Сам и стюард, и пилот,
Пусть на борт себе возьмёт
Крокодила, бегемота,

Я летаю!

Сегодня я летал во сне!
Я быстро-быстро разбежался,
Взлетел и... в небе оказался!
И так приятно было мне...
Я эту тайну берегу.
Теперь могу летать, как птица.
Коль надо в небе очутиться,
Во сне я быстро побегу!

Я помню!

Погасло солнышко в окне
И потемнело небо.
Зачем сказала мама мне,
Что я когда-то не был?

Не пью парного молока,
Не ем с вареньем хлеба –
Все не могу понять пока,
Что я когда-то не был...

Сказала мама: «Не беда!
Все не были когда-то».
Но я-то помню – был всегда,
Поверьте мне, ребята!

Черепаху и бобра.
Этот «груз» ещё вчера
Был одобрен для полёта.
Скажем, если Слонолёт
Вдруг захочет приводниться,
То никто не удивится,
Почему он всех везёт.
Сможет бобр построить хатку
И запруду у пруда,
Чтобы чистая вода
Не дала вступить им в схватку.

Крокодил, увидев дно,
Будет плавать, как бревно.
А объёмный бегемот,
Освежив огромный рот,
Вдруг поймёт: «Я был везде,
Но уютнее в воде».
Водяная черепаха,
Натерпевшись в жизни страха,
Попросила Слонолёт,

Чтоб с собой он взял в полёт
Лёгкий прочный парашют.
«Это непосильный труд», –
Слонолёт ей отвечал.
«Где найду я тот причал,
Чтоб в полёте черепаха
Не испытывала страха,
Приводняясь и взлетая,
Словно диких уток стая?!»

«Эта просьба – не пустяк.
Если мы взлетим не так,
Я не против быть в пруду.
А вдруг на камни упаду
И о камни разобьюсь?
Значит панциря лишусь.
Мне без панциря – беда.
Без него мне никуда.
Всякий хищник и повеса
В качестве деликатеса
Беззащитной съест меня

Ночью и среди бела дня».
Слонолёт ответил ей:
«Заходи на борт скорей.
Мы, внизу оставив крыши,
Облаков взметнёмся выше.
Нам не страшен снег и зной.
Мы помчимся над Землёй,
Над лесами и горами.
Птицы пусть летят под нами.
Сам космический народ
Нам покажет путь в полёт.
А когда домой вернёмся,
Отдохнём и посмеёмся.
Новый «груз» забрав в полёт,
Всех на борт к себе возьмёт
Безотказный Слонолёт».

Стало ясно – Слонолёт
Безопасней самолёта.
Путь открыт для Слонолёта.
Слонолёт зовёт в полёт!

«Не терпим мы дешевых копий,
Их примелькавшихся тонов,
И потрясающих утопий
Мы ждем, как розовых слонов...»

Игорь Северянин

Кристина Зейтунян-Белоус (Париж, Франция).
РОЗОВЫЙ СЛОН (бумага, акварель, тушь).

Надежда Никитина
Сергиев Посад

В доме у нас рыдали слоны –
приговор четырех стен,
нырок – в темную воду травы,
в память коры и земли. Насовсем.

Люлька користых ладоней,
взгляд из-под прядей травинок,
мне вас помнить, помнить,
рожденных со мною едино. Единым.

Евгений Яночкин
Дмитров

жене

Давным-давно ты пела мне
О бедном розовом слоне,
И наша ль в том вина:
Об этой песенке твоей
С годами память все живей,
Прозрачней глубина?

Когда со мной не дружит сон,
Топчу ногами, будто слон,
Но клетка заперта.
Он жил как все и серым стал,
Хоть много книг перелистал
О красках и цветах.

Так спой о розовом слоне,
Давай присядем в тишине,
Нам станет грустно – пусть.
Греха большого в грусти нет,
Зато присохший серый цвет
Размоет эта грусть.

Евгений Мартынов

Зеленогорск

Слон

Индия. Жара. Добрей коровы,
Малый двести сорока пудовый, –
Шествуя, спокойствием он смог
Мне внушить, что Вишну – это Бог.

Стоп... – Захлопну зонтик,
ноги свешу,
И себя экзотикой натешив,
Отслою попону от слона –
отдыхай, опорная спина.

Из подножки – кресло, тёплый обод... –
Бесподобный нос – подвижный хобот.
Слон огромный и живой, как дом.
Слышите, как «дышит животом».

Ян Бруштейн

Иваново

Смешная грустная невозможная случившаяся история

«Не делайте слона из мухи!» – сказали нам. Мы не послушались.
Надели шапочки газетные и обрुчились с колдовством.
И, предугадывая слухи, мы видели: слоновьи уши
Локаторами ловят ветры, заполонившие наш дом.

Мы трогали его за хобот, а он пугливо жался к стенам,
И бился лбом о стекла окон, не понимая ни рожна.
А в тишине дробился хохот. Соседи, потеряв степенность,
Как на базаре, громко охали, слоняясь около слона.

И, шутовству такому рады, совали булочки с изюмом,
И, поднатужась, притащили ведро большущее с водой...
За стенкой громыхнуло радио, и он, на радость самым умным,
Такой большой и беззащитный, ведро взметнул над головой.

И завертел, и хлынул ливень, и наши шапочки намокли,
И, смытое водой, увяло и растворилось колдовство...
А муха ползала лениво. Слона мы вспоминали молча.
Соседи разошлись устало. И пусто стало без него.

Про табурет

В этом свете, в этом лете, в этой бархатной траве
Я верхом на табурете, только ветер в голове.
Деревянная лошадка, это шаткое седло,
Страшно мне на ней и сладко, без оглядки унесло.
Потому ли ныли руки, что моя застыла плеть,
Потому ли для разлуки надо просто помереть.
Потому ли загнан вовсе этот верный табурет...
Где меня по свету носит! Где вопрос и где ответ?
Ради клятых этих строчек лягу во поле костыми,
И, отсрочку напрозорчив, затеряюсь меж людьми.
Слева слава, слово справа, ну а песни нет как нет...
Ах ты клавиша моя, клавиша, безлимитный интернет!

Купала

Не Иванова картина,
Что видна издалика –
Только пыльная куртина,
Только мутная река,
И Ярило жарче пала,
Капли бедные в горсти,
И стоял Иван Купала
По колено в вечности.

Эта битая дорога,
Иордан как Рубикон...
И крестил Купала Бога
Для народов и племён.

Александр Федулов

Полномайние

Остатки сонной пелены
срывая с глаз, летят слоны
с обратной стороны луны.
Они трубят во все концы:
– Ловите май! ай, молодцы
мальчишки, юноши, отцы.

И страждут от весны ловцы...
Ланца-дрица-гоп-ца-цы...

А май, смеясь, припертый к стенке:
– Все возьму! – и бух в колени,

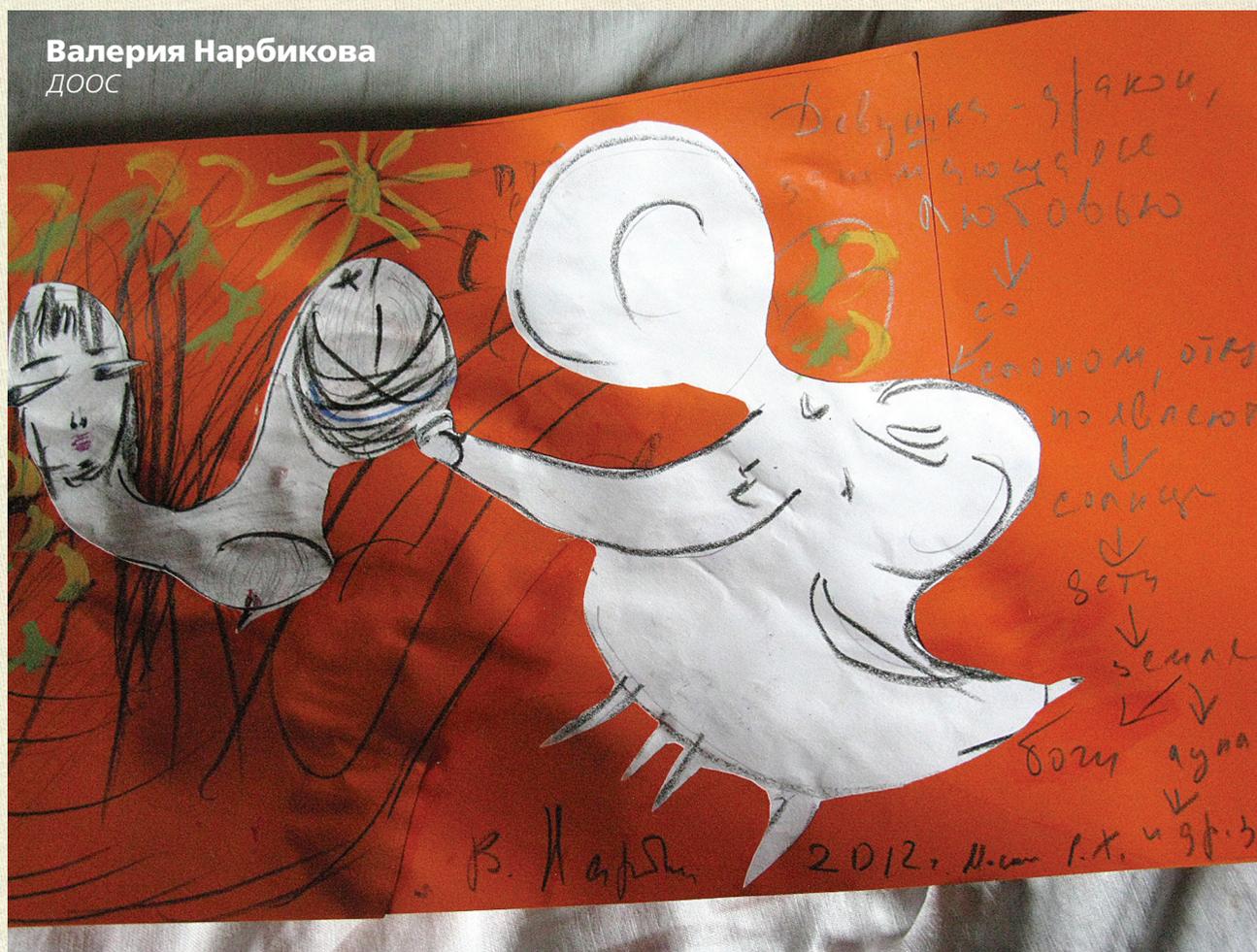
уткнувшись в лоно всем подряд, –
Айда играть со мной в горелки!
Ловите смело встречный взгляд!
И пейте, пейте... свежий яд!

Сглотив комок слезы-слюны:
– Я – май! я – жизнь! я – блуд –
ный сын!
Я первобытный стыд и грех...

Трубите сбор для всех про всех.
Я – искупление вины.
Трубите славу мне, слоны!..
Вы так еще юны...ю...ны!..

Валерия Нарбикова

ДООС

Девушка-Дракон, занимающаяся любовью со слоном, откуда появляется солнце, дети, земля, луна, и другие звёзды, и другие боги.

Олег Федоров

Тюмень

Секс-секонд-хенд

(монолог рекламного агента)

Секс

Секунда

Секонд

Севен

Себя совсем потерял...

Реклама пылесосов:

«Сосу за копейки!»*

Мир совсем сошёл с ума...

Сон

Стон

Розовый слон*

Семь сторон света

– Извините, девушка

А как вас зову?

– Меня зовут Света

Сейчас ли

Потом

Сбудется

Розовый слон

Старый сервант

Синий сервиз

Прямо в салат

Без ожидания виз

Мордою вниз...

Ай эм сорри, друзья мои!

В общем, плиз...

2004-5

* «Сосу за копейки» рекламный слоган торговой компании «Эльдорадо» по продаже пылесосов «LG» в 2004 году.

** «Розовый слон» – название детской песенки начала 1970-х...

Валерий Байдин
Кан, Франция

Фрагменты из романа
Начало в № 5-9 2012 г.
и № 1-5 2013 г.

СВА

ПРОЗЫРЕНИЕ

Рисунки
Александра
Иосифова,
70-е годы XX в.

т. Лю...

На бульваре собралось человек двадцать, и половины из них Сва раньше не встречал. Сидя на двух скамьях и стоя между ними, потягивали дешёвый рэд, молча курили, девушки шурили покрасневшие веки. Ветер относил в сторону звук гитары и слова, от которых у Сва сразу переняло дыхание:

И не жаль, что вдаль
унесёт февраль
наших душ любовь и печаль,
наших душ любовь и печаль...

Пела Точка, неподвижно глядя перед собой. На последнем слове опустила гитару и без слёз уткнулась в плечо соседки.

– Сва пришёл! И Нот с ним, – пробасил Бор в наступившей тишине.

Они молча подошли к скамейкам – один кивнул, другой помахал всем рукой.

Потоп поднялся для рупокожатия:

– Теперь всё в сборе. Только Откол пропал, откололся куда-то.

– Сва, милый, – пьяно потянулась к нему Глори, прижалась щекой. – Вот и всё. Понимаешь? Лави больше нет.

Всхлипнула, осела на скамью, отвернулась и тут же зарыдала.

– Старик, давай помянем! – всерьёз захмелевший Дик, держа почти пустую бутылку водки, другой рукой обнял его за плечи. – Если кто не знает, это Сва, реальный мэн. Просёк насчёт полисов и в дедовском клоузе в кремуху прошёл, с Лави от всех хиппов простился. А нас эти углумки опустили – только из-за прикида! Это вообще абзац! Кто объяснит, почему нам фрэндов даже похоронить нельзя?

Он крупно глотнул, после него отпил Сва, передал бутылку Ноту и тут заметил девушку, пристально смотревшую на него с дальней скамьи. Она явно его узнала или с кем-то перепутала. Сва недоуменно вглядывался в её лицо и не мог понять, почему так бешено заколотилось сердце. Отвернувшись, но краем глаза заметил, как девушка встала.

Подошла.

Положила руки ему на плечи:

– Боже мой! Встретила.

Он тут же узнал этот голос, замотал головой, вскрикнул:

– Ты? Это была ты?! – ошеломлённый, вглядывался в небесные заплаканные глаза, вспоминал пушистые светлые волосы и не верил себе.

Перед ним стояла девушка из той гибельной ночи.

В один миг всё превратилось в знакомые губы, плачущее дыхание.

– Встретила... в такой день... – глотала она слёзы.

– Поверить не могу, – как тогда, теряя силы, льнул он к её щеке, слышал шёпот:

– Вспомнил. Разве такое возможно...

Несколько мгновений мимо неслась грохочущая тьма. В ад катилась подземка, а рядом слышался голос той, которую он обнимал. Вдыхал запах волос. И сердце отчаянно трепетало – тайная, почти бессмысленная надежда, без которой не было бы его жизни, превращалась в любовь.

– Видишь, я живу. Люблю. С тех самых пор, – рвались ей навстречу слова, и он задышался оттого, что мог их произнести.

– Во фигагат! – неподалёку со смехом крикнул Бор.

– Как же это вы? Вот так, вдруг, ни с того ни с сего... – протянул Потоп.

– При всём народе... – пропела какая-то девица.

– Даа, Сва! С такой клёвой герлой... – просипел пьяный Дик.

Эти голоса отнесло в сторону. Они остались вдвоём посреди бульвара, и Сва с силой сжал её в объятиях:

– Только не уходи! Ты тогда исчезла. Я уже не верил, что ты есть на земле.

– Жив, господи. Жив.

– Столько месяцев с ума схожу. Кто ты? Даже имени твоего не знаю.

Она вытерла глаза, отпрянула, сияя взглядом:

– Лю.

– Лю? Странное имя. Зовёшь и будто целуешь. Откуда такое?

– Меня так Лави называла. А для тебя, если хочешь, я просто Люба.

Она всё смахивала слёзы, а Сва, слушал, слушал, вдыхал её голос: «Лю, Люба, Любовь. Другого имени у неё и быть не могло», – едва не произнёс вслух.

– Тогда ночью я оставила тебя, не могла иначе. А потом, ты не представляешь, умирала от горя. День за днём! Свечки за тебя ставила, за безьянного. Не поверишь, я и вчера, и сегодня утром о тебе думала, ужасалась, молилась. И вот – ты. Такой живой, настоящий.

– Я буду звать тебя Лю? Как Лави звала, можно?

– А я буду звать тебя Сва.

Чейто звонкий голосок, наконец, долетел до них из другого мира:

– ...до отключки! Вообще не слышат!
Давайте хором им крикнем!

Бор выскочил сбоку и завыл:

– Поолисы! Скипааем!

Лю обернулась:

– О'кей, ладно. Скипаем. Тогда всем вам чао!

– Ну что, попросим их кисануться напоследок? – крикнул Бор.

– Рипит! – рыкнул Потоп.

– Чтобы было красиво, как в занебесном кино, – прошептала Данетт и сжала губы, чтобы не расплакаться.

– Сва, мы тебя любим! Не забывай фрэндов! – лучисто, издалека глянула Мади и прощально поиграла пальцами в воздухе.

Он кивнул ей, встретился глазами с измученной Точкой, послал воздушный поцелуй, помахал остальным.

– Приходи в «Вавилон», на «Эстетику»!
Вместе с Лю, – через силу улыбнулась Глори.

Нот, молчаливо стоявший рядом, тронул Сва за плечо, чуть поклонился Лю:

– Это она? – он переводил взгляд с одного лица на другое.

– Она, – кивнул Сва, и Нот вздохнул:

– Ну... с Богом. До встречи.

– Арривидерчи! Вам обоим! – пьяно заорал Дик.

Несколько рук помахали вслед, но они уже ничего не видели, не слышали, медленно уходили по аллее в иную, стремительно начавшуюся жизнь.

[...]

Губы дрожали в тончайшей близости. Исчезло тело, пропал разум. А сердце всё плыло навстречу её сердцу. Пронзительно коснулось его. Ещё раз. Ещё... Замерло, теряя жизнь.

– Люблю! – задохнулся Сва.

– Такой родной. Ты... – слышал он, как во сне, узнавал прикосновения рук.

Они шли, останавливались, порывисто целовались — посреди аллеи, у деревьев, на скамейке. Через сотню шагов окружающее снова стало бульваром с немногими прохожими, однодетными матерями, детьми в колясках и песчицах, сонносидячими пьянчужками, стайкой дремлющих в траве голубей, солнечными пятнами на земле и вяло шелестящей листвой.

Сва изумлённо разглядывал её лицо: «Неужели одна любовь может воскреснуть в другой? Лави – в этой незнакомке, дорожке которой у меня теперь никого нет? Лави дважды ушла. И сегодня – навсегда. А она дважды мне встретила, каждый раз на грани жизни и смерти. И сегодня – тоже навсегда. Теперь я её не отпущу. Ни за что!»

– Прости, так устала. Голова кружится, – прижалась Лю к его плечу и закрыла глаза. – Эту ночь почти не спала, есть не могла. Вчера была в Склифе, потом в морге. В церковь ходила с её бабушкой. А сегодня войти внутрь, проститься с ней сил не осталось. Седа наглоталась, боялась, не вынесу. Такая тяжесть на душе была. Наверное, как у неё перед концом.

– Скажи, кто так чудовищно придумал – сжечь её? Отец?

– Лави сама этого хотела.

Сва сощурил тяжелеющие глаза, медленно помотал головой:

– Такой конец... Но жизнь её была ещё страшней.

– Ты знал Лави? – печально спросила Лю.

– В парадняке познакомились, – он согнулся на скамейке, закрыл руками лицо. – Я должен тебе сказать... Никого я так не любил, как её. И она меня, я это знаю. А потом... Не хочу говорить. Я пытался ей дозвониться, в психбольнице навещать, ждал, когда она оттуда выйдет. Изнемогал. Всё было безнадежно. И тогда я решил со всем покончить, как раз в ту самую ночь, на той поганой флэтэре, где ты меня встретила.

В пустынном метро было непривычно тихо. Плыл и покачивался вагон. Глухо, словно за стеной, грохотало. Прыгал и дрожал пол, струилась за окнами огнистая тьма, вспыхивала картинкой очередной станции, опять текла

мимо. Вполголоса бубнил диктор, сновали рядом людские тени. Прижавшись друг к другу, они молчали всю дорогу. Не осталось слов и сил, чтобы о чем-то говорить, они лишь обнимались – то ли укрывались от прежней жизни, то ли поцелуями встречали новую. «Мы опять с нею в метро, как тогда, – удивлялся Сва, – будто в тысячный раз повторяется мой сон. Но теперь я её веду. Теперь мы не расстанемся».

Лю первой вошла в его комнату и огляделась:

– Неплохо у тебя. Ты с собеседиями?

– Да, за стеной пара стариков живёт. Вполне симпатичные.

Он едва сдерживал волнение, пытался отыскать какую-нибудь еду, накрыть на стол, поскорее приготовить чай, смотрел вокруг её глазами и тихо страдал от убожества, в котором жил – родительский шкаф, старый круглый стол, заваленный посудой и книгами, пара стульев, кровать, две самодельные книжные полки, книги в стопках у стен и в коробках из-под апельсинов, на полу магнитофон с кучей плёнок, затоптанный паркет, пыльное окно без занавесок, под потолком лампа с жёлтым пластиковым абажуром...

– Знаешь, у меня еды почти не осталось. Так получилось, прости! – сокрушённо признался Сва через несколько минут. – Я пойду куплю что-нибудь, а ты отдохни. Ложись поверх одеяла, если хочешь. Или покрывалом накройся, вот!

– Уговорил, – Лю смущённо села на кровать. – Я посплю немного. Только ты с едой не заморачивайся, ладно?

– Ничего, здесь всё рядом. Сейчас четыре, соседи в шесть приходят. Они тихие, ты даже не услышишь. Спи. Пока!

Сва помахал ей издали и осторожно закрыл дверь.

Больше всего он боялся себя. Или какой-нибудь нелепости, роковой случайности, которая их разделит. Он сразу привык к Лю, едва увидел в своей комнате. По дороге в магазин и обратно гнал прочь дикую, но упорную мысль – Лю исчезнет, и вместо неё останется лишь смятая постель.

– Нежность, – накатывало, смывало все сомнения единственное слово, которое Сва мысленно повторял и тут же представлял её лицо.

В груди радостно пустело, губы сами собой улыбались. «А Лави?» – сжималось сердце. И в ответ каждый раз виделось: её гипсовый лик, светлой пылью растаяв в московском небе, сгустился, изменил черты, ожил и стал лицом Лю. В том, что они оказались подругами, виделась непостижимая тайна. Сва вспоминал свои хождения в церковь, немые крики в недоступную высь. Верил и не верил, что это могло так изменить его судьбу. Чувствовал, что только вместе с Лю сможет пережить смерть Лави, что теперь не отчаётся, не захлебнётся в тоске. И значит, обе их встречи были той, непостижимой милостью жизни... Дальше что-то мешало думать, но сердце упорно стучало: да, да, да.

Лю крепко спала, сжавшись на кровати, искрящиеся волосы закрывали подушку. На коврике валялись сброшенные туфли. Из-под покрывала виднелись её пятки в кремовых носках и голубая джинсовая бахрама, тонкая

кисть с витым серебряным колечком на безымянном пальце, ворот чёрной водолазки. Сва забыл, вспоминал, где лежат нужные вещи. Непрестанно забывал, что находится в собственной комнате, с трудом оглядываясь на Лю, тихо переоделся, чёрный, свадебнопохоронный костюм, белую рубашку и галстук в косую чёрнозелёную полоску повесил в дальний угол шкафа.

– И в этом идиотском наряде я с нею встретился. И она меня узнала. И при всех целовалась со мною, – он готов был броситься к Лю и поднять до потолка. – Она, та самая, явилась из сумасшедших снов и теперь спит на его кровати, будто всегда здесь жила.

Бесшумно двигаясь по кухне, Сва варил макароны. Яичницу можно было сделать потом. Долго сидел на табуретке и вслушивался в тишину квартиры, ожидая, когда проснётся Лю. Её поцелуи нестерпимо разгорались на губах, зажигали тело. Властно, жёстко давила на мысли бестолковая плоть.

– Только не это, не это... – смотрел он в окно. – С ней всё будет по-другому. Как её поцелуи, как те, ночные невысказанные её слова.

Сва заварил чай, помыл и тщательно нарезал помидоры, укроп и огурцы для салата, потом плавленые сырки и хлеб. Затем старательно соорудил бутерброды. После этого принёс всё в комнату, неслышно убрал со стола посуду и книги, расставил чистые тарелки и стаканы. Открыл бутылку портвейна. Долго сидел, глядя на спящую Лю, на трещины в потолке, на свою необжитую комнату и незаметно заснул среди тарелок, подложив под голову руки.

... Полными ужаса глазами следил он за Лави, которая ходила, объятая пламенем, и кричала:

– Сожгите мои стихи, гитару – всё сожгите! Я хочу исчезнуть совсем, я жила здесь по ошибке.

Подошла к Сва, в глазницах сверкнули чёрные слезы:

– Идём со мной, в огонь! Там любовь, а кругом снег. Видишь?

– Нет, здесь цветы. Остайся, Лави! Ты уже прошла через ад. Мы опять встретились. Я люблю тебя, а ты меня. Навсегда.

– Как можно жить на этой земле? Здесь даже огонь ледяной. Кто придумал такую пытку – ад назвал жизнью, смерть любовью? Попробуй пожить ещё, ты поймёшь.

Грудь была полна крупных камней, о них тяжело колотилось сердце. Сва поднял голову. Рядом стояли тарелки и нетронутая еда, в комнате было сумрачно. И тут заметил девушку, которая, полусидя на кровати, с улыбкой на него смотрела:

– Долго же ты спал.

Сва хотел сказать, что ему приснилась горящая Лави, но вместо этого улыбнулся:

– Я ждал, когда ты проснёшься, и сам отключился. Тоже замучился... Ужин готов. Вставай, сейчас я буду тебя кормить! – закончил Сва и шагнул к кровати.

– Ох, как хочется заглотать что-нибудь! Ты тут целую поляну накрыл!

– Нет, самую малость приготовил. Макароны вот, уже остыли, наверняка. И чай тоже. Сейчас пойду, яичницу пожарю.

Не надевая туфель, она поднялась и разлохматила волосы на его голове. В то же мгновение они казались друг у друга в объятиях.

– Любимый! Руки твои чудесные... Всё тает, прошлого нет. С первого мига полюбила тебя.

– Ты вместо смерти пришла. Быть с тобой и всё. Нет другого счастья.

– Нет, моё всё гораздо больше. Ты моя любовь, долгожданная.

Будто вернулись их ночные первые объятия – её губы, дыхание, руки. Столько месяцев прошло, как во сне, в тех и этих спасительных поцелуях. Он видел Лю, не открывая глаз, скользил пальцами по лицу, замирал от прикосновений к волосам, к тающей лёгкой груди, влюблялся в каждый изгиб тела. Её нагота сводила с ума, но казалась давно знакомой, родной. Она вскрикивала, не пытаясь сдерживать страсти, и Сва задыхался, удивляясь невыносимой простоте любви. Вспышки восторга пронзали мозг, мелкими молниями змеились перед глазами. Из её лёгкого тела рвался навстречу нестерпимый, нежный огонь, несколько раз остро проник до сердца, и всё взорвалось ослепительной, освобождающей болью.

Тень

– Ты не спишь? – очнулся он.

– Нет, я Лави вспомнила. Её стихи, такие красивые и мрачные до жути. Если бы я умела, в то время такие же писала бы. Раньше они у меня в голове без конца звучали, как наваяние. Никак не могла от тоски избавиться. И жить тогда тоже не хотелось.

– Прочти, чтобы больше не мучаться.

– Зачем? Сейчас есть ты.

– Раз вспомнились, прочти хоть одно и забудь всё, навсегда.

– Теперь я их и так забуду. Всё-всё забуду, самое ужасное.

Она задумалась, глядя в потолок:

– Нет, пожалуй, прочту вот эти. Она их прошлой осенью написала, наверное, вы уже знакомы были:

Я пришла в этот мир, чтоб исчезнуть,
в поцелуях слепых раствориться!

Сва перебил:

Глупо верить, любить и молиться...

– Она тебе их читала?

– Да. Здесь. Ночью. И потом ушла. Я не смог её удержать. Если бы я знал, что после этого увижу её только сегодня... Тогда так жутко с нею стало. Невыносимо – первый раз в жизни. Я умолял её выкинуть из головы этот мрак, а потом сам...

Сва почувствовал, как Лю по-детски ухватила и сжала его руку:

– Не вспоминай, ни к чему. Я тоже её любила, больше себя самой. А такой любви, как с тобой, я знаю, у неё ни с кем не было – мучительной, безнадежной. Как она страдала! Хорошо, что ты ничего этого не видел.

От волнения Сва приподнялся в постели, но рядом была Лю, гладила по груди. Он поймал её руку:

– А тот несчастный художник?

– Ты слышал о нём?

– Мне Нот рассказал.

Она тоже приподнялась на подушке:

– Тогда ты знаешь, как она первый раз в креслу залетела.

А как во второй раз? Нет, не буду рассказывать.

– Знаю. Но лучше бы не знать.

Лю потемневшими глазами смотрела в окно и кусала губы:

– Всё это было, да. Встретила подонка. Если бы только одного...

Её дыхание сорвалось в плач, лицо изменилось. Сва видел, что с Лю начинается истерика, и не знал, как быть. Она ничком рыдала на постели, будто только сейчас решила оплакать свою подругу:

– Любимая, что с ней сделали! Нелюди! Боже, как ужасно! Сколько сторчалось, по креслам гниют, сколько навсегда ушли! И моя жизнь – это мрак! Не было сил. Я тоже гибла. Меня ба... моя бабушка... отмолила! Да, не скрываю... Ты чистый, и я буду чистой с тобой. Только прости!

– Я? Чистый? Ты бы знала...

– Не хочу знать!

– Лю, и ты прости, – в его глазах стояли слёзы. – Нас всех в отраве топят. Всех пытаются грязью, жутью всякой. В одиночку выжить невозможно.

– Понимаешь, это чудо, что мы встретились! – вскрикнула она. – Я больше не могу! Не могу так жить! Кругом такое... Ты почти ничего не видел, не знаешь, ты...

Не слушая, Сва силой оторвал Лю от подушки, повернул к себе лицом, целуя в плечо, тонкую ключицу, коснулся живота, ворсистого влажного лона. Страстное желание полыхнуло в мозгу – исцелить её собой, своей силой, нежность дыханием. Ведь это и есть любовь! Её рыдания стихли, сменились глубокими, удивлёнными вздохами, руки обвили вокруг шеи:

– Милый, спасение моё.

– Так хорошо... вместе... всегда быть...

Соседи давно позвякивали посудой и глухо переговаривались на кухне. В комнате сгущались жаркие сумерки, за окном шелестела верхушка тополя, и вразной чирикали воробьи. А рядом уютно дышала Лю. Сва поднялся с кровати, накинул на плечи старый спортивный халат, подошёл к окну. Смерть любимой и встреча с Лю не выходили из головы: «Ни с Лави я почти не был знаком, ни с ней. Но с такой силой тянуло к обоим, с первого поцелуя. Или они очень похожи, или... Ничего не понимаю».

За спиной послышалось тихое хмыканье, он обернулся и встретился с улыбающимся взглядом:

– И о чём ты сейчас думаешь?

– О тебе. И о Лави, – Сва подсел к Лю на кровать, погладил пушистозолотые волосы. – Расскажи о ней, вы же подружками были. И тебя я хочу поближе узнать, ты самая большая тайна моей жизни.

– Поближе... Ближе некуда, – засмеялась Лю.

– Нет, правда. Почему мы с тобою с марта и до сегодняшнего дня нигде, ни разу не пересеклись?

– По тусовкам я почти не ходила. Кстати, в вашем параднике меня один тип сразу достал. Kleился внагиак – видеть его не могла.

Сва тут же подумал о Дике, но ничего не сказал.

– Скажи, а почему Лави так звали?

– Этот нэйм к ней сразу прилип. Как-то её отец привёз из загранки итальянский вермут, она его присвоила и к «Вавилону» принесла. Досталось всем по глотку, не больше. Но как это было красиво! Затем синганула «Bella, ciao!» по-итальянски и сходу «Love of My Life». Тогда Лави только начинала петь, но её тут же заценили. Такая чума началась. Вечер был – полнейший улёт, и почти всухую, представляешь? У нас две гитары было, пели все, кто мог, прямо на бульваре танцевали. Прохожие стояли и слушали, хлопали нам, как на концерте. Думали, у кого-то свадьба. Народ до сих пор вспоминает... Эта квиновская песня её коронным номером стала, а она для всех стала – Лави. Про любовь лучше всех, кого я знаю, пела. С нею все тусовки оживали, все её обо-

жали. Она была такая яркая, особенная. Всех любила, гифты подругам дарила – просто так, от души. И ещё глаза у неё были безумно красивые, итальянские какие-то, правда?

– Правда, – не удержался Сва.

– А потом... Просто непостижимо, почему у неё всё так сложилось? Красавица, и талант был, и бабсы папины – всё для счастья. Кончила спецшколу, на англише классно спичила, кучу всего прочла, стихов знала немерено, сама писала. Я не знаю... – Лю вздохнула. – Слишком душевная была что ли? И хрупкая очень. После этого художника несчастного вышла из психушки в полном дауне, в себя никак не могла придти. Но всё мечтала о чём-то прекрасном, о любви настоящей. Это в нашем-то мире! В систему попала через институтскую подругу и загорелась. Народ вокруг неё был классный, но, не знаю, как это получилось, напоролась на мерзавца.

Не глядя, Лю нащупала сигареты, медленно закурила, на глазах её опять выступили слёзы:

– До сих пор не могу поверить, что её – Лави! – так можно было опустить. Ну, и этой мрази потом досталось. Ты Бора знаешь? Он его где-то отловил и конкретно уделал по фейсу, по тому самому месту и по башке поганой.

С тех пор его никто в системе не видел. А Лави тогда залетела и опять в крезу грохнулась, уже на несколько месяцев. Её халаты там заодно и вычистили – в подарок. Потом, когда домой вернулась, узнала, что рожать не сможет, и её совсем сплющило. Месяц из дома не выходила, людей боялась. После смерти матери они вдвоём с бабушкой жили, отец женился на молоденькой, купил себе другую квартиру и умотал. А тут назад вернулся, въехал, наконец, что с любимым чадом что-то не то. Лучших халатов на дом приглашал, доставал ей лекарства импортные, против депрессии и так далее. Дарил без конца шмотки, диски, духи, сладости, видак купил, кучу кассет, но всё без толку. Она лежала как труп, тощая, жёлтая, ни с кем не говорила. После этого и подседа на дурь, на колёса. Потихоньку. И от лаверов уже не могла избавиться.

Говорила: «Завяжешь с одним – и сразу в пустоту падаешь. Жить нечем». Всё любовь искала, надеялась...

Сва тягостно молчал, сидя на подоконнике и бессмысленно глядя в окно. Когда Лю, будто извиняясь, грустно окликнула его, спросил осипшим, странно звучащим голосом:

– Объясни, как она могла так зависнуть на наркоте? И ты была рядом, и бабушка любимая. И отец генерал мог бы со своими связями как-то помочь. Почему она лечиться не хотела?

– Я думаю, после истории с этим мерзавцем и чистки шизовой, она с наркоты не слезала. Всё прекрасно понимала, но, видно, уже тогда отъехать задумала. Мне как-то сказала: «Я живу, потому что боюсь умереть сразу. Я умираю постепенно, замерзаю». Понимаешь, о чём она всё время думала? Я умоляла её забыть того художника несчастного, плакала с нею, ругала, как могла. Сколько раз мы с бабуш-

кой пытались уговорить её лечиться. Всё в облом! Тогда Лави, наверное, ещё можно было спасти, но её фазер, дебил полный, вместо того, чтобы дочь ко врачам привести, пусть насильно, после всех её истерик махнул рукой и опять с молодой женой на другую квартиру слинял. Я сама в конце концов отчаялась, самой жить тошно стало.

Сва опустил голову, подперев рукой лоб, медленно произнёс:

– До сих пор я так и не понял, что она была за человек? Откуда у неё был этот мрак? Эта безнадежность? Ведь от этого она подседа, это её и сгубило. Люди не такие беды переживают, с того света возвращаются! Знаешь, что меня удержало – одна лишь надежда, что любовь свою встречу. А она? Не понимаю.

Лю молча курила, смотрела в потолок, блуждала взглядом по стенам, взглядывала на Сва, вздыхала. И начала издали:

– Смогу ли я это объяснить? В душу ни к кому не глянешь... Через пару недель после нашего знакомства она днём затасила меня к себе в гости. Мы одни были, пили розовое бордо с пирожными, о жизни говорили и кайфовали. А потом Лави начала мне свои стихи читать. Я слушала и просто немела – такой дар, понимаешь, конкретный! Красиво было и жутко. Вдруг она на полуслове замолчала, посмотрела так скорбно – не передать! – и разрыдалась. Утешала я её, как могла, до вечера с нею плакала. А перед уходом упростила дать свои стихи почитать. Дома несколько раз их перечитала и заболела. Некоторые строчки до предела зацепили, столько в них было правды, а ещё больше отчаяния. Я молилась, чтобы от всего этого не повестись. Ты не представляешь, как я тогда её полюбила. Послушай, до сих пор в голове звучит:

Любить до конца, до могилы
забытые богом слова,
пусть заживо их схоронила
пустая людская молва.
Свобода и нежность и радость,
любовь и восторг и тоска.
Так много, так мало мне надо,
В глаза — поцелуй ветерка...

Сва отвернулся к окну, поднял лицо, глотнул невесомого воздуха и опять глянул в комнату, мимо Лю. Она помолчала, что-то невидимое отмахнула с дымом, заговорила твёрже:

– Я с ней спорила отчаянно, много раз. Умоляла не думать так, убеждала, что без веры нам не выжить, что у Бога ничто не забыто. Она в ответ только усмехалась: «Для меня Бог – пустое слово. Бог, ох, вздох – всё для милых детишек!» Но через пару дней это стихотворение при мне в тетрадке зачеркнула и говорит: «Вдруг ты права? Мне в кайф, что ты веришь. А у меня для веры сил нет...» Обняла и шепчет: «Ты моя велюна. Я буду тебя во всём слушаться». Улыбнулась загадочно, но я все-таки поняла потом. Догадываешься, что значит «ВЕЛЮНА»? – Нет, – похлопал ресницами Сва.

– Вера, любовь, надежда... Да, такая она была – тянулась к вере, но что-то не пускало. Может быть, потому что веры не могла от любви отделить, небесного от земного.

– А как их отделишь? – перебил Сва. – Не представляю.

– Да, мы все такие... Нашла бы она свою любовь, нашла бы и веру. Может быть... Мне один умный человек сказал: это надежда соединяет любовь и веру. Конечно, всё связано, одно без другого невозможно. Но, ты прав, Лави не хватило именно надежды, не смогла главное в жизни ею дополнить и не отчаяться. С самой юности всё против неё шло. Даже в системе она, по сути, одинокой была, все её любили, а настоящей любви не было. Я видела, как Лави месяц за месяцем гасла, держалась на пределе, а помочь не могла. И сломалась – в голове не укладывается, – когда встретила, кого всегда искала... – она откинулась к стене, глянула на Сва. – Слишком поздно ты у неё появился. Так всё сошлось, один Бог знает, почему.

Лю внезапно прервалась, будто потеряла дар речи. Прошлое разом затопило сознание. Вспомнилась ночь, полупьяный, с провалами в слёзы и острую тоску разговор, который она ни за что бы не передала Сва. Вспомнился лёгкий ожог на душе – тот, что вызывает любовь подруги. И отчаянное желание утешить то ли её, то ли саму себя.

Темно-золотые волосы Лави падали на сторону, она оперлась щекой о ладонь, шептала и плакала, не открывая глаз:

– Лю, я таких не встречала. Его будто Цветаева придумала – рыцарь с ласковыми глазами. Руку мне поцеловал, когда я в парадняке спела «Двадцать лет». Все думали, что он для прикола, а я его взгляд поймала... – и она зашлась в слезах. – Первый раз Настоящую любовь, нежность от мужика почувствовала! Меня до дома провожал. Я едва сдержалась, хотелось броситься ему на шею и целовать всю ночь напролёт. Показалось, что я совсем юная, что впереди у нас такая любовь, целая жизнь! Совсем забыла, дурочка, кто я теперь, что со мной стало. Потом вспомнила, и умереть захотелось. Дома рыдала. Поняла, что не бывать нам вместе, что со мной он погибнет.

Она поймала помрачневший взгляд Сва:

– Тяжело вспоминать.

В глаза Лю наплывали слезы. Всё больше, больше. Сва потянулся к ней, обнял, долго гладил и слушал дрожащие всхлипы:

– Больше ни о чём не рассказывай! Лучше потом, когданибудь.

Она помотала головой:

– Нет, лучше сразу. Подожди, – откинулась на подушку, прикрыла веки, приходя в себя.

Голос её зазвучал тише и отчуждённой:

– В последние год-полтора, после того, как я уже зашла на всей наркоте, мы с ней то и дело о вере говорили. Я твердила, что надо до конца надеяться, до конца верить. А она мне: «Ждать – только продлевать страдания, ничего другого впереди нет. Никакой любви я уже не жду». Я её тряс и кричу: «А я? Я же тебя люблю! А бабушка, а всё твои подруги?» Она или молчала или плакала в ответ. Я

от всего этого сама шизеть стала. Почему ж, думаю, Бог не поможет, ни ей, ни мне? Кому тогда молиться? Опять к дурману потянуло, но тут Лави меня стопанула. Глазницами своими уставилась и говорит: «Завязала – всё! Если веришь, терпи, молись, что хочешь, с собой делай! У тебя будет любовь, я знаю. – А у тебя? – А у меня нутро будто выжжено, каждая клетка болит, воздух горький, всё в отворот... Кто с такой, как я, хоть день проживет?» Она словно предчувствовала – про тебя говорила, а меня целовала. Я что-то невероятное тогда испытала, не могу передать. Поверила, где-то есть для меня любовь. До тебя я никого не любила. Был один, человеком казался – не хочу вспоминать. Лавера были... А хотела полюбить по-настоящему, – Лю прервалась и вскинула на Сва измученные глаза:

– В тот день я на всю жизнь убедилась, что Бог есть.
– ?

– Меня к Лави в кресло тоже не пустили, как я ни старалась... В марте, когда она уже третий месяц там была, я как-то зашла к её бабушке – навестить, поговорить, чаю попить. Шоколадку, помню, принесла. Сидим, молчим, грустим. Я не выдержала, стала расспрашивать о Лави, а бабушка как замотает головой, и в слёзы. Потом в угол с иконами бросилась – то ли стонет, то ли молится. Не помню, как я её в чувство привела, на кровать уложила, капель сердечных дала. Понятно стало без слов, что с Лави совсем плохо – халаты её на волю только калекой выпустят. Простилась кое-как, вышла на улицу, и такой мрак на меня накатило.

Думаю – мне тоже не выжить. Помрачение на меня нашло, про всё на свете забыла и от отчаяния прямоиком

к Лириан двинула, на их флэтыру поганую. Страшно вспомнить, тоже решила, как и ты, на наркоте, самой убойной, поскорее отъехать, и конец всему. А там тебя увидела и обмерла. В глазах – тоска смертная! Сердце сжалось: «А вдруг, думаю, это и есть моя любовь? Такая же, как я и Лави, душа гибнущая?» Жалко стало, не передать. Кругом дым коромыслом, пипл обдолбанный и эта ведьма, уже подогретая, около тебя увивается, по телу руками шарит. Вижу, ты в полном отъезде, едва стоишь. А в глаза мрак наплывает. Я у Лави такой же видела. Господи, только тут я опомнилась! Бросилась, увела тебя из последних сил. Боялась, ты на моих руках умрёшь, кричала, целовала, с земли поднимала, из снега вытаскивала. До метро из последних сил дотаскала, довезла до пересадки и не знаю, что делать. Оставила в вагоне едва живого. Думаю, пусть лучше к полисам попадёт и на принудилровку, чем на тот свет. А что ещё я могла? Если бы ты знал мою жизнь... Чувствую, полюбила. Столько дней потом с ума сходила – вдруг ты умер в метро или потом спился, сторчался, кинулся? Молилась за тебя, как могла, по тусовкам бегала, всё надеялась встретить.

– Как раз после той ночи я отовсюду отчалил, – печально перебил Сва.

– И всё равно, всё равно встретила!

Лю бросилась к нему на шею и почти зарыдала:

– Скажи, что ты меня любишь! Скажи, что мы всегда будем вместе! Ну, скажи!

– Мы уже вместе, уже навсегда. Неужели не чувствуешь? Себе не веришь?

М. фон Мюнхгаузен

Из цикла «Явления».
Явление первое –

...Желтое, как слон

Сегодня в ванной обнаружился очень желтый слон. На вопрос о цвете он сказал, что ему снились лимоны и это наложило свой отпечаток на его физическую манифестацию. На вопрос о происхождении ответил, что он чистокровный африканец и музыка саванны стучит его сердце. Я послушала: да, действительно, какие-то тамтамы.

Следующий вопрос поставил уже сам слон, поинтересовавшись полноценным ланчем для крупных и добрых животных. И, естественно, в африканском стиле, отвергнув все, что не состоит из ямса и осоки, и объявив содержимое моего холодильника шаманским туманом богини Нгииек. Задача решилась креативно – набросав на замороженную пиццу зелени, я нанесла на нее сакральную надпись: «Из Африки».

Следующим, не менее удачным шагом, стал бокал воды, на котором я написала: «Священная вода Танга-

ньики». Слон оказался образованным и, прочитав обе надписи, с довольными звуками приступил к делу.

Остаток вечера прошел под легким интеллектуальным градусом и в дымке сказок джунглей. Подробно рассказав, как боги испекли землю из слоеного теста, посыпав ягодами крыжовника (так появились леса) и залив ванильным кремом веселых форм (это про облака), очень желтый слон выглянул в окно и сказал, что ему не хватает правильного заката – с черными жирафами на фоне оранжевого неба, кокетливым шелестением цикад и особым запахом беззаботно-прекрасного будущего. Нырнув в ванну, он исчез в разноцветных пузырьках, но оставил мне на память запись в моей Книге Станных и Неожиданных гостей: «Мир – это очень вкусный пирог».

Александра Пауль

Кира Сапгир
оса ДООСа
Париж, Франция

Карманная космогония – III

Фото и коллаж Елены Кацубы

Стиральная доска

Из пламя и света...

М. Лермонтов

Самолет взмыл над Красноводском, отдаляясь от берега Каспия. Далеко внизу осталась солончаковая степь с одинокими колючими шарами перекати-поле, одногорбые верблюды, едкий дым костров и красноводские крестьянки-эрсари, что носят сбоку на головных платках височный серебряный диск величиной с ладонь – гулак-халка.

Самум взбаламутил песок пустыни. Море и небо с трудом просвечивали сквозь песчаную взвесь – казалось, что наш самолет завис неподвижно, вплавленный в опаловое золотисто-голубое яйцо.

Сквозь стекло иллюминатора внизу едва виднелось бужущее море. Трехметровые – не ниже – валы Каспия с высоты казались почти неподвижным лекально правильным, текстурированным рисунком в виде рифленой ряби, похожей на громадную стиральную доску – танцующие, синие лекалы скользины, где силовые линии слегка искажены.

Если же взглядеться, обнаруживалось, что серебристая ребристая поверхность «доски» непрерывно шевелится из стороны в сторону – лениво, почти незаметно для глаза смотрящего.

Рифленый «рабочий» рисунок при этом почти не менялся.

Казалось, что «доска» – гигантский инструмент, от которого исходит мощное гудение на инфразвуке; неслышная нота сотрясала басовую рябь, еще более сгущая стеклянную толщу вокруг самолета.

Тут же представилось: закашлял мотор – крылья самолета качнулись – и вот он пикирует круто вниз, словно чайка, нацелившаяся сверху на серебристый косяк ма-крели.

Чем ниже падает самолет, тем виднее, как яростно бьется стихия – капризная, меняющаяся. Колонны воды с грохотом обрушиваются в пучину, взмывают в небеса, вновь валятся в бездну – и во все стороны брызги, вращенье, грохот, кипенье, треск!

Штриховой рифтовки нет и следа. То, что сверху казалось рифленой насечкой, спокойной фактурой, внизу обернулось громокипящим хаосом бытия.

...Мне любопытно и одновременно страшно выбиться из колеи, оторваться от привычной стихии, порвать нитку, к которой привязан шарик – мой привычный мирок. Но любопытство пересиливает страх, и вот я отрываюсь, лечу, доверившись вертикальной тяге падения-взлета.

Я по крови кочевник. По зову предков я номад. Номады перемешаются в песчаном море, где караванный путь выглядит волнистой чертой, прочерченной прутиком через барханы.

И если спросить, какой я предпочитаю край, отвечу сразу – пустыню. Там нет конца и края. Нет препятствия глазу – ни дерева нет, ни скалы – одни песчаные волны, да кое-где русло иссохшей реки.

Подобно барханному коту я не умею ни поворачивать

голову, ни оборачиваться назад – гляжу прямо перед собой, не забывая и не оглядываясь.

Если петуху нагнуть голову и мелом прочертить линию от клюва и далее по земле, несчастная птица застынет, не смея оторвать клюв, привязанный к земле прочерченной чертой. А для пра-прадедов моих пра-прадедов, что кочевали по земле, как и начертано им Всевышним, границ не существовало. Номад не знает умозрительной привязки, для него граница – черта, процарапанная на картонном мяче деревянным мечом.

Земля кругла –
Нет ни одного угла.

В кабине самолета, летящего над пустыней Каракумы, я глядела в иллюминатор и едва не стонала от счастья – то было само совершенство: земля без единого дерева и небо без единого облака – две первые стихии, как в первые дни творения –

«В Начале Господь сотворил небо и землю»!

Кубатура Шара

*В глубокой ночи, когда засыпает
даже бессонный Вечный Город,
подойди к порталу Нотр-Дам –
услышишь инфразвук –
Собор поет.*

Во всех без исключения мировых традициях и культурах существуют символы:

Квадрат – символ Земли;

Круг – символ Неба.

Эти символы универсальны.

В основе Квадрата лежит число 4. Это число множественности, число проявленного мира – число Формы.

В противоположность Квадрату, Круг – отсутствие формы – отсутствие времени, начала и конца, понятия верха и низа.

Иначе говоря, Круг означает не-число.

Вспомним композицию знаменитой картины Пабло Пикассо: воздушная девочка невесомо балансирует на шаре, а мощный атлет напротив усадисто обосновался на массивном кубе.

Она: темноволосая округлая головка на прямом стерженьке шеи.

Он: голова-шар венчает туловище-куб.

Шар и куб представляют собой игру противоположностей. Шар – движение. Куб неподвижность.

Шар – воздух. Куб – земля. Обе фигуры – как две стороны медали, или же как две стороны бытия – его аверс и реверс, две противоположные грани единого в своей сердцевине образа.

Подобная монада почти в точности повторяет построение храма любой религии – будь то христианство, ислам,

индуизм, зороастризм, даосизм, иудаизм – в основании лежит куб, а над ним пустотелая сфера, шар.

Куб – замкнутый ограниченный мир квадратных форм.

Шар пытается выбраться из Куба – оторваться, выйти из мирского бытия, войти в безграничный, непроявленный трансцендентный Мир – освободиться из-под власти Куба, то есть проявленного мира.

Опыты Учеников

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

Мимолетящи суть все времени мечтаны:

Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум

И всех зефиров повеваешь.

Г. Державин «Жизнь Званская»

В «Толковом словаре» В. Даля читаем: «Шар – краска. Шаро-действие – изображение красками, живопись».

Не мной сформулирована мысль: стихи – настоящие стихи – выводят читателя из привычных реалий в космос, вырастают из рамок повседневности до вселенских масштабов, позволяют взглянуть на привычные вещи свыше, из бесконечности. Примерно это можно сказать о стихах как Пушкина, так и Державина. В их творчестве, наряду с земной константой, ощущение космоса непреходяще. Велимир Хлебников не столь тесно связан с грешной землей – он, как воздушный шар, стремится оторваться от нее и посмотреть на нашу жизнь извне... Тут и пластика, и трехмерность, и гипноз, свойственные воздействию хорошей литературы.

Что есть «Исследование»?

Опять-таки из Даля:

«Исследование – выслеживание, разведывание; Исследовать – разыскивать, изведывать, доходить разбирательством, стараться узнать неизвестное по известным данным...».

Такое ощущение исследования неевклидова геометрического построения временных параметров неизменно возникает при чтении Достоевского или Шекспира; такое вычисление «спиралевидности» их сумрачной туманности. Тут нужен не анализ, а прозрение. Существуют вещи, которые можно почувствовать лишь интуитивно – различить, увидеть внутренним зрением, например, ощутить то, что время по-настоящему сжимается и растягивается под двойственным воздействием сил Добра и Зла, направленных в противоположные стороны.

Картина, которую создает писатель, подобна вселенной. Там все во всем, и все одновременно, а завершение пути есть его начало. Время в книге не линейно: создатель охватил все. Поэтому художественное произведение, даже если оно построено на реально случившемся, а не на вымысле – не должно выстраиваться поступательно, иначе получатся воспоминания, мемуары. Оно не имеет

прямой перспективы – скорее обратную, и жизнь «оттуда» движется навстречу земной.

Короче, писатель не рассказывает, а показывает. Говорит не только словами, но — звуком, рождающим форму, протяженность, цвет и свет.

Таков мир вымысла, туманный, как запотевшее окно, точный, словно отработанный музыкальный пассаж. Все там подчинено медленному счастливому ритму: прошлое, настоящее и будущее, перекликаясь друг с другом, повторяют, изменяют и возвышают реальность — которой, возможно, нет совсем. В мире вымысла герои творят себя и других, меняясь из повтора в повтор, меняя других и себя: так круги от брошенного в воду камня, расходятся бесконечно...

*Все мы или почти все мы умрем.
Ежи Лец*

Время – берег, пространство – океан. Невзирая на бесконечность, пространство не так жестоко и более спокойно, чем время. Пространство можно охватить взглядом. В нем есть цвет и свет. И в этом цвето-световом пространстве – вечность, убежище для живого времени, возникающее в шаровой ауре мощи.

На стыке мгновенного времени с точечным пространством, воды с сушей, формы с содержанием – пена, жизнь, капризная, кипящая, непрерывно меняющаяся. Приметы времени раскрываются с треском в пространстве, пространство осмысливается и измеряется временем.

Время сгущается, уплотняется, становится зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, чье силовое искривление дает уже не круг, но спираль –

Бессчетные мгновения,
горящие извне
«на прочной нити времени,
протянутой в уме...» (В. Брюсов)
Ибо мы бессмертны, пока живем.

PS.

Протягивает детям
Свой серый нежный хобот
Над лбом богоподобным
Едва полураскрыты
Архангельские уши

*(Из моего цикла «Дропы» – такими трех-
стопными пятистишиями заканчивали
главы в исландских сагах).*

Слон Леонардо

Машины острова Нант во Франции – это целый парк огромных механических животных на бывшей судовой верфи города. Их создали Франсуа Деларози и Пьер Орефис в рамках художественного туристического проекта. Удивительное сочетание механической вселенной Леонардо да Винчи, фантастических миров Жюль Верна и промышленной истории Нанта.

Двенадцатиметровый механический слон разгуливает по парку, хлопает ушами, громко трубит хоботом и разливает воду на прохожих. На нем можно прокатиться и заодно посмотреть, как двигаются шестеренки внутри хитрого механизма.

Галина Мальцева

ДООС – стреказелла

*Я всегда знал, что умею летать,
но никогда не знал, что я СЛОН.*

Рисунок **Галины Мальцевой** (бумага, смешанная техника).

Евгений Таран

Слоны быстрого реагирования

*

Слоны быстрого реагирования
Полетят над нашими головами,
Ставя жирные увесистые точки.
Мир наполнится трубной музыкой,
Будто заиграет духовой оркестр.
Жми коленями подоконники,
А ладонями подлокотники,
А локтями жми подголовники.
Голову отпусти.

Слоны быстрого реагирования.
Сады наземного базирования.
Общество немедленного потребления.
Закон сохранения движения.

*

Слоники, гопники, парк.
Ржавое небо наружу.
Тающий крейсер «Варяг»
Мирное утро нарушил.

Эники, беники, раз.
Было не много, не мало.
Финики, пфенинги, факс.
Все повторится сначала.

Кстати доносится джаз,
Мечутся капли шальные.
Если никто не предаст,
Будем всегда молодые

Авторитетная Российская библиотечная ассоциация рекомендует библиотекам, какими периодическими изданиями комплектовать свои фонды. А также отмечает качественные СМИ знаком отличия «Золотой фонд прессы». В их числе «Журнал ПОэтов».

Внимание!

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал ПОэтов можно:

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах и их региональных представительствах

Стоимость подписки на 1 месяц:

105 руб. 60 коп.

ПОдписной индекс: 81745

Ж У Р Н А Л
№ 7 (51) 2013
ЭТОВ

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты»,
Константин Кедров, Елена Кацюба
Идея журнала и творческая концепция
группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства»

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта
кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков – доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов – доктор филол.наук; профессор В. Вестстейн (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий – доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); В.Нарбикова;
В.Рабинович – профессор Института культурологии

Арт-директор – Игорь Маркин
Макет номера – Елена Кацюба

На 1 стр. обложки – композиция Константина Кедрова

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Тираж 4000 экз.

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Цена свободная.
Номер подписан в печать 20.07.2013
Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции
125009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1
Телефоны:
(499) 791 0398 – для справок
(499) 791 0403 – распространение
(499) 791 0409 – факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на **81745**
журнал (индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания) | количество комплектов

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)

Дооставочная карточка

на **81745**
ПВ место литер журнал (индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания)

СТОИМОСТЬ | подписки | руб. | коп. | количество |
| передислокации | руб. | коп. | комплектов |

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда
(почтовый индекс)

(адрес)

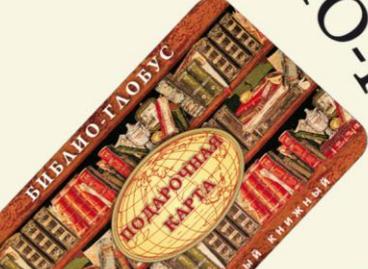
Кому

(Фамилия, инициалы)

Слоновая инсталляция ДООСов.

Константин Кедров, Елена Кацюба, Маргарита Аль выгуливают слона в Москве на Тверском бульваре.

БИБЛИО-ГЛОБУС

55 лет

Ваш Главный Книжный

БИБЛИО-ГЛОБУС

Более 200 тыс. наименований книг

Электронные книги и ридеры

Антиквариат и предметы
коллекционирования

Фильмы, музыка, игры, софт

Канцелярские и офисные товары

VIP - обслуживание

Услуги по формированию
библиотек и коллекций

Доставка книг из-за рубежа

Читательские клубы по интересам

Подарочные карты

Интернет-магазин www.bgshop.ru

Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgoperator.ru

Билеты в театры, на концерты

Детский клуб «Библиоша»